НА
ОБОЧИНЕ
МИРА
WBOOKS!
Росс Уэлфорд

Росс Уэлфорд

На обочине мира

Серия «Бестселлеры мировой фантастики для детей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67591644
На обочине мира:
ISBN 978-5-17-148098-1

Аннотация

Двенадцатилетние Уилла и Мэнни, пытаясь отыскать таинственное животное, однажды попадают в мир, где больше нет ни войн, ни экологических катастроф, а люди живут счастливо. Это тот идеальный мир, к которому все стремятся и о котором мечтает каждый.

Но когда дети возвращаются из него обратно в привычную реальность, никто не может поверить, что они собственными глазами видели то, чего не существует.

А вы, если вдруг однажды окажетесь в идеальном мире, сможете ли оставить его?

Или сделаете всё, чтобы ваша реальность превратилась в такой мир?

Захватывающая и трогательная история от мастера детской фантастики, популярного британского писателя Роса Уэлфорда.

Содержание

В не столь отдалённом будущем 5
Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 34
Глава 6 42
Глава 7 48
Глава 8 56
Глава 9 63
Часть вторая 66
Глава 10 66
Глава 11 74
Глава 12 80
Глава 13 87
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Росс Уэлфорд
На обочине мира

WHEN WE GOT LOST IN DREAMLAND
Text copyright © Ross Welford 2021
Ttranslated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

«Наши проблемы – дело рук человека, и поэтому могут быть разрешены человеком… Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ».

– Джон Ф. Кеннеди
Президент США, 1961 – 63

В не столь отдалённом будущем

Дело шло к мировой войне, когда мы с Мэнни Уивером попали через «серую дыру» в другой мир.

До тех пор я не верила в магию. Феи, ведьмы, волшебные заклинания, неведомые страны с говорящими животными, трёхголовые чудища и зелья, превращающие тебя в великана?

Даже когда я была совсем маленькой, я знала, что всё это неправда. А потом я встретила Мэнни, и странного зверя, которого мы называли «кобака», и брата, которого я никогда не знала, потому что он умер ещё до моего рождения. Я пронеслась через грозу на летающем гидроцикле и пожила во Вселенной Вне Войны.

И если вы спросите меня теперь, верю ли я в магию? Скажем так, я не совсем уверена.

Часть первая

Глава 1

Мы смотрим войну по телевизору почти каждый вечер, и она становится всё хуже и ближе.

Папа сидит на диване, цокая, качая головой и по-разному обзывая премьер-министра. Моя старшая сестра, Алекс, начинает злиться и спорит со всем, что говорит папа, но я не думаю, что она лучше нашего разбирается в происходящем. Потом они кричат.

Маму они оба расстраивают, и она даже завела привычку прогонять меня из комнаты, когда всё начинается. Говорит:

– Тебе всего двенадцать, Уилла. Незачем тебе всё это видеть.

Тогда встревает папа:

– Прямо на наших глазах творится история. Любительнице истории необходимо это видеть!

«Любительница истории» – ха! В прошлом году, в шестом классе, я выиграла в историческом конкурсе, и папа никак не уймётся. Он обожает такое. А я всего-то-навсего написала эссе про американского президента Джона Ф. Кеннеди (того, которого убили в 1963-м) и нарисовала классную картинку, которую скопировала с фотки и очень аккуратно раскрасила.

Когда дело касается того, что происходит сейчас, и Третьей мировой войны, которая не за горами, мне страшно. Всем страшно. Ну, всем, кроме Мэнни Уивера, но до него мы скоро доберёмся.

Даже если я выхожу из комнаты – разницы нет. Стоит мне открыть ноутбук, как я снова всё это вижу: видео бомб, сыплющихся с самолётов, горящих зданий, людей, вытаскиваемых из-под обломков, злых толп, кидающихся всяким-разным в таких же злых солдат, и злых людей, строчащих злые посты в «Квике».

Я всё это терпеть не могу, но не смотреть довольно сложно. Вы знаете, о чём я. Вы, наверное, и сами видели подобное.

Я неплохо понимаю историю, но только когда она в прошлом. Когда она происходит вокруг меня – уже гораздо меньше.

Я даже не знаю, из-за чего они дерутся. Из-за воды, наверное. И нефти, скорее всего. Из-за бога? Кое-где, по-моему, из-за всего сразу. Одна кучка людей ненавидит другую кучку людей, все остальные принимают чью-то сторону, и тут… бац! Война. Судя по всему, именно так всё и работает. Мама говорит, мне не нужно бояться, потому что война идёт за много миль от нас, в других странах. Но она приближается; все это знают.

Призом в историческом конкурсе, кстати говоря, была книга «Маленькая история мира». В ней много написано про

войны. Она стоит у меня на полке, более-менее нечитанная. Каждый раз, когда я к ней тянусь, я вспоминаю, как моё имя объявили в актовом зале – и никто не захлопал.

Мама с папой не смогли прийти на вручение наград, потому что у них была встреча с людьми из «Солнечных Сезонов», которые собираются купить наш семейный бизнес и присоединить его к парку по соседству – покрупнее (и гораздо посимпатичнее). Так что они не видели, что произошло – нелепого момента, которому разве что стрекотания сверчков недоставало, когда я поднялась на сцену, а мне захлопали одни учителя – да я им и не рассказывала. Я вообще никому не рассказывала, потому что мне некому. Наверное, можно было поделиться со старой Моди, но, учитывая, как здорово она помогла мне с этим эссе, это бы её только расстроило. Так что я помалкивала.

Тем временем грамота, которую мне вручили, по-прежнему стоит над камином, рядом с папиными медалями военно-воздушных сил и святилищем – фотографией и свечкой – малыша Александра. Он был моим старшим братом, прожившим всего восемь дней, а теперь и сам стал частью истории.

Вот сейчас они опять спорят, мама с папой, и только что хлопнули дверью. Иногда они ругаются из-за войны, обычно – из-за работы. С бизнесом неладно, вот и всё, что я знаю. Мама называет папу «ленивым и лишённым воображения»; он называет её «помешанной на контроле и навязчивой». Из

моей комнаты мне их слышно – шипят друг на друга, как злые кошки.

Алекс сидит в своей комнате – нацепила наушники и играет в войну на компьютере с людьми, которых она и не встречала никогда. Всё было бы не так плохо, если бы она хотя бы разговаривала со мной, но она только вздыхает и бурлит, как неисправный бойлер в душевой.

Конфликты? Они окружают меня со всех сторон, и меня это бесит.

А потом, не успеваем мы опомниться, как на всех экранах страны появляется премьер-министр и заявляет, что Британия, возможно, будет вынуждена объявить войну, если так поступят наши союзники. Внезапно все только об этом и говорят.

Тут-то я и знакомлюсь с Мэнни и обнаруживаю параллельный мир – и всё меняется раз и навсегда.

Глава 2

Думаю, я люблю Мэнни Уивера! Не в *том* смысле люблю, не беспокойтесь. Ну ладно, по чьим угодно стандартам Мэнни очень даже хорошо выглядит, но нам всего двенадцать, и у меня не «колотится как сумасшедшее» сердце и не «летают бабочки» в животе, что, по мнению моей сестры Алекс, является верными признаками влюблённости. (Ей виднее: с ней это происходит примерно раз в пару месяцев. Ей пятнадцать.)

Так что, наверное, мне просто нравится Мэнни – *очень сильно*. А более того, я, кажется, тоже ему нравлюсь, что уже выделяет его среди ребят в моей школе.

В Мэнни есть что-то… *необычное*. Что-то, что я заметила утром, когда он вошёл в наш класс и встал в дверях: высоковатый и худоватый, слегка сутулящийся, будто всегда готовый пригнуться. Все повернулись на него посмотреть: Новенький.

Вы или я наверняка опустили бы глаза с видом «пожалуйста-не-смотрите-на-меня» и прошмыгнули бы на место (рядом со мной, вот невезуха), которое подготовила миссис Поттс: новая тетрадь, карандаш с логотипом школы и открытка «Добро пожаловать в 7П».

Но Мэнни оказался не таким. Он оглядывал всех в ответ где-то целую *вечность*. В классе нас было человек двадцать.

Он посмотрел на каждого, одного за другим, ссутулившись и почти не моргая, из-за длинной светлой чёлки. Он не то чтобы хмурился, но и дружелюбным не выглядел. Мало-помалу, пока продолжалась эта игра в гляделки, все в классе замолкли. Когда Мэнни охватил взглядом всех, то слегка кивнул и прошептал:

– Привет.

А потом небольшая толпа семиклассников с уважением расступилась перед ним, и он прошествовал к нашей парте и сел.

Это явно была очередная попытка миссис Поттс «вытащить меня из раковины», как она однажды выразилась. Знаете, поставить Новенького в пару к Тихоне и посмотреть, вдруг они подружатся. Или, может, она думает, что я хорошо на него повлияю. Я никогда не влипаю в неприятности в школе, а вот от Мэнни так и веет каким-то озорством.

Думаю, дело в основном в его глазах: они зелёные и яркие, как разрезанный киви, и таращащиеся и печальные – весьма странное сочетание.

В нашей школе нет формы, но предполагается, что мы должны одеваться «разумно». А Мэнни явился в полосатых штанах, носках с радугой и мягкой фиолетовой толстовке. Я услышала, как Дина Малик говорит:

– Вау, гляньте-ка на этого Вилли Вонку!

Всё это казалось частью его «нездешности».

И как будто волшебности.

Школьный день закончился, и я жду Мэдисон и Джесс у спортзала, чтобы вместе пойти домой. Так будет дольше, но я не против. У меня с собой «Шоколадный крем Фрая» – я хочу их угостить, но тут замечаю, что они уходят по противоположной стороне игровой площадки и уже слишком далеко, чтобы звать их. Как они там оказались, не проходя мимо спортзала, – настоящая загадка. Я разворачиваю велик и еду другим путём, пытаясь избавиться от мысли, что они меня избегают.

На Мэнни я наталкиваюсь в конце переулка, ведущего от побережья к школе, который все называют Какашечным проулком. Он просто сидит на каменном заборе рядом с потрёпанным жёлтым великом и вроде как занят каким-то своим делом.

– Привет, Уилла, – говорит он, не успеваю я даже с ним поравняться. Мне приходится резко притормозить, чтобы не врезаться в него. – Я подумал, расскажу-ка я о себе. Чтобы сэкономить время, знаешь?

Что нужно говорить, когда кто-то заявляет такое? Лично я остроумно отвечаю:

– Эм… – что Мэнни, видимо, расшифровывает как «Да, давай – расскажи мне о себе абсолютно всё, хоть я вообще-то и не просила».

Он отбрасывает с глаз длинную светлую чёлку и говорит:

– Ну хорошо.

Мы начинаем катить велики по тротуару, мимо заколо-

ченных витрин, разрисованных граффити. На дворе май, но с серого Северного моря дует холодный, влажный ветер; мелкий мусор кидается нам под ноги, как непослушный щенок. Мэнни останавливается вытащить из спиц велика обёртку от фруктового льда.

– Ты не пугайся, Уилла, – говорит он. – Просто я жил примерно в тысяче временных семей с новыми родителями, новыми братьями и сёстрами и считаю, что так быстрее. Я всё равно тебе это расскажу рано или поздно, так почему бы не сделать это рано? – Потом он улыбается мне, будто подначивая меня поспорить.

– Потому что… я тебя вообще не знаю?

– Именно поэтому! А так узнаешь. Понимаешь ли, мы подружимся, я уже вижу. Упс, осторожно – собачьи какашки!

Я огибаю их.

– Уже видишь?

– Поверь мне, если бы ты сменила столько школ, спецшкол, семей и детдомов, сколько я, у тебя бы выработалось чутьё на такие вещи. Кроме того, тебе нужен друг, так почему бы мне не стать им?

Сгорая со стыда, я прекращаю катить велик и перекидываю через него ногу, собираясь уехать.

– Эй, постой! – говорит Мэнни. – В чём дело?

– *В тебе* дело. Не нужен мне друг.

– Тогда почему ты возвращаешься со школы одна? Почему тусуешься в обед в библиотеке сама по себе? Почему…

– Ладно, ладно, – рявкаю я. – Может, у меня *не так много* друзей. Тебе-то что до этого?

– Ну, у меня вообще ни одного нет. Пока что. Так что, знаешь…

Мэнни видит, что мне немного неловко, так что быстро перехватывает нить разговора.

– Ладно, – говорит он. – Эмануэль Уивер – это ты уже знаешь. День рождения: первое февраля, подарки приветствуются, но не обязательны. Шутка! Братьев-сестёр нет. Последняя приёмная семья переехала в Австралию, чтобы убраться от меня как можно дальше.

Я бросаю на него взгляд. На его лице полуулыбка, так что, наверное, он шутит. Он продолжает:

– Сейчас живу под опекой Норт-Тайнсайдских соцслужб в детском доме имени Уинстона Черчилля на побережье. Папу никогда не знал. Мама… больше не с нами.

Он делает паузу.

– Вот и всё. Это я.

Это всё как-то неожиданно, особенно последняя часть. Я говорю:

– О. Понятно. Хорошо. Ну, то есть в том, что ты сказал в конце, нет ничего хорошего. Мне очень жаль. Я хочу сказать, твоя мама… – Я лопочу что-то несвязное и мне неловко.

– Ага, ну да, спасибо. Ты, наверное, хочешь узнать, что с ней стало?

– Нет! Ну то есть, если она, ну ты понимаешь, эм… умер-

ла, тогда, эм…

О нет, это просто ужасно.

Мэнни перебивает.

– Она не умерла, Уилла.

– О. Просто ты сказал, что она больше не с нами, так что я подумала…

– Нервный срыв, – говорит он. – Если кратко, она пошла по магазинам и больше не вернулась. Это длинная история. Я был совсем маленьким.

– Это просто жуть, Мэнни. Бедная она. Бедный ты.

Мэнни прекращает толкать велик и начинает возиться с одним из тормозных тросиков.

– Спасибо, – со вздохом говорит он. – Никто толком не знает, что именно произошло. Мне было всего четыре, так что мне талдычили в основном «У мамочки головка бо-бо» и всё в таком духе. Формально она всё ещё считается «пропавшей без вести». Но Джейкоб – это мой соцработник – говорит, что я должен учиться жить с мыслью, что моя ма, возможно, умерла. – Он пожимает плечами. – Вот только она жива.

Сложно придумать, что сказать. Со мной обычно редко делятся такими личными подробностями, особенно так внезапно. Некоторое время мы катим велики молча, а потом я спрашиваю:

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, – отвечает Мэнни. – Но только то, что я че-

го-то не знаю, ещё не значит, что это не так. Когда-нибудь я её найду. Я это чувствую.

Я снова гляжу на него: он выпятил челюсть и крепко стиснул губы, будто привык рассказывать эту историю и не плакать. Глаза у него сияют. Несколько секунд мне ужасно неловко, а потом Мэнни говорит:

– Ну ладно. Всё обо мне да обо мне. Что насчёт тебя?

Ого.

– Эм… э… Вильгемина Шафто, но так меня никто не называет. День рождения: четырнадцатое ноября. Живу с мамой и папой, они управляют Уитли-Бэйским парком отдыха «Счастливая Страна». – Я тараторю, и всё это звучит слишком нормально и идеально по сравнению с историей жизни Мэнни, так что я добавляю: – У меня есть сестра, её зовут Алекс. Ей пятнадцать, и она настоящая заноза в одном месте. А ещё мои мама с папой вечно ругаются, потому что бизнес идёт плохо, ну и… как бы…

Я умолкаю. Это всё правда, но, конечно, подробностей я не знаю. Мама с папой велели мне не болтать про бизнес – вдруг поползёт слух, что у «Счастливой Страны» проблемы. Каждый раз, когда к нам собираются приехать люди из «Солнечных Сезонов» на своих блестящих машинах, родители начинают ругаться всё сильнее.

– …и из-за войны, – добавляю я. – Они вечно ругаются из-за войны.

– Почему? – спрашивает Мэнни с искренним недоумени-

ем.

– Ну, знаешь, у них разные мнения на её счёт.

– Разве они могут что-то изменить?

– Ну, нет – само собой. Никто из нас не может.

– Вот именно. Поэтому я предпочитаю волноваться о вещах, которые могу изменить.

Мы уже на том отрезке пути, когда мне надо идти прямо, а Мэнни – сворачивать налево к детскому дому имени Уинстона Черчилля. Он говорит:

– Видишь – теперь мы друзья? Встретимся здесь завтра в восемь тридцать и поедем вместе. Кстати, какой у тебя номер?

– У меня… *номер*?

– Ну да – телефонный номер?

Мне приходится залезть в телефон и найти свой номер, потому что наизусть я его не помню. Мне кажется, раньше меня никто и не спрашивал, по крайней мере никто из ровесников.

Я говорю:

– Ты разве не пользуешься «Квиком»? – и Мэнни, кажется, слегка смущается, но тут же прикрывается улыбкой.

– Не – это для лузеров! Я предпочитаю классику. Глянька вот на *это*!

Мэнни достаёт свой телефон – крошечный, с малюсеньким экраном. Он с кнопками, как на самых древних телефонах, а на логотипе написано «ЭРИКССОН» – никогда о та-

ком даже не слышала.

– Это, считай, антиквариат. Мой соцработник швед, это он его мне нашёл. Он звонит и отправляет сообщения. И всё. Джейкоб не очень-то жалует смартфоны. Считает, будто они «мешают нам говорить лицом к лицу» и так далее. Кстати говоря, – спохватывается Мэнни, лезет в сумку и вытаскивает оттуда потрёпанную книгу. – Подумал, тебе понравится это почитать.

КРИПТИДЫ – ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОЗЕРА ЛОХ-НЕСС
Автор
Доктор Э. Борбас

На обложке – зернистая картинка, изображающая нечто в озере – лох-несское чудовище, по всей видимости. Я переворачиваю книгу и читаю аннотацию.

> **От древних легенд о лох-несском чудовище до современных историй о бодминском звере по всему миру насчитывается великое множество свидетельств о загадочных существах. Если они реальны, откуда же они берутся?**

Я смотрю на Мэнни – он ухмыляется.

– Джейкоб говорит, одолжить кому-то книгу – это идеальный способ подружиться, потому что так её придётся вернуть, и вы сможете её обсудить. Местами там запутанно, но она неплохая.

С этими словами он укатывает на велике прочь, а я оста-

юсь листать странную книгу. В ней есть картинки больших, смахивающих на котов зверей и живущих в озёрах гигантских змей, чего-то под названием бигфут и мексиканского монстра, который высасывает кровь из коз…

Проходит пара минут, прежде чем я наконец сажусь на велик и осознаю, что, несмотря на всю странность ситуации, Мэнни прав. Кажется, у меня появился друг.

Глава 3

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Мэнни дал мне почитать ту первую книгу. За это время он уже успел одолжить мне несколько других, с названиями вроде:

ЙЕТИ – Гималайский горный человек

и

ОЗЁРНЫЕ МОНСТРЫ СО ВСЕГО МИРА!

Сейчас суббота, в школе проводят весеннюю ярмарку, и Мэнни обзавёлся новой книжкой.

МЕГАЛОДОН – Финальное доказательство?

Мегалодон – это вроде как здоровенная акула, метров двадцать длиной, живущая в неисследованных глубинах океана. Пролистывая книгу, я замечаю, что большинство картинок размыты или сняты с расстояния нескольких миль.

Когда мы забираем свои велики после праздника, я пытаюсь обратить на это внимание Мэнни.

– Проблема в том, – говорю я, держа в руках «Мегалодона», – что финальное доказательство – не такое уж и доказательство, так? Иначе им не пришлось бы ставить вопросительный знак.

Мэнни ссутуливается – он всегда так делает, когда думает.

– Знаешь, в чём твоя проблема? – обиженно говорит он. –

У тебя нет воображения!

– Нет вообра… Мэнни! Это нечестно! Просто ведь… настоящих доказательств нет.

– Вот опять. Блинские *доказательства*! А как насчёт свидетельств очевидцев? На это ведь и опирается твоя драгоценная история, не так ли? На людей, которые видели всякое! Честное слово, Уилла…

Он сворачивает в сторону побережья, и я еду следом.

Мы останавливаемся у мини-маркета, и я тихонько вздыхаю, увидев, что к нам приближаются Дина Малик и её жалкая «банда». Она взяла моду называть нас «История и Мистика». К счастью, больше никто это прозвище не подхватил, но это не останавливает Дину. Я тайком возвращаю Мэнни книгу, и мы вдвоём входим в магазин.

Дина со своими подружками идут за нами следом. Я беру упаковку мармеладок, а пока расплачиваюсь, не свожу глаз с экрана за прилавком. Обычно там крутят новости про войну, но на этот раз – что-то новенькое.

– …к нашему северо-восточному корреспонденту, Джейми Бейтсу.

– Спасибо, Татьяна. Тихий прибрежный городок Уитли-Бэй в Тайнсайде вот уже несколько дней гудит от сообщений о встречах местных жителей с так называемой «Кобакой из Уитли».

Дина подкралась к Мэнни сзади и вопит:

– Ха! Это по твоей части, Мистика!

Он игнорирует её, внимание приковано к экрану.

– Описываемое как нечто среднее между огромной собакой и диким котом, это животное было замечено на пляже, а также на сельхозугодьях на севере, возле самого Блита. Я поговорил с местной жительницей, которая описывает недавний близкий контакт.

Я ахаю: на экране появляется старая Моди, нештатная мастерица на все руки из «Счастливой Страны» – она сидит на своей любимой скамейке на берегу, и у неё берут интервью.

– Смотри, Мэнни, это Моди!

– Были сумерки, а я просто сидела здесь, как обычно, и тут-то и увидала его, внизу, на пляже. Оно повернуло голову и посмотрело прямо на меня:

большущие жёлтые глаза, и, клянусь, здоровенная рыбина во рту. Уши огромные, заострённые. А потом – вжух – оно кинулось обратно в воду, да быстро так, вот и всё.

Теперь репортёр идёт по пляжу. На заднем плане я вижу потрёпанный флаг «Счастливой Страны».

– Встречи с подобными крупными существами – не ред-

кость для Британии, однако убедительные доказательства бывают представлены чрезвычайно редко…

– Это потому, что это всё выдумки, – фыркает Дина. – Только послушайте её, эту старую тупую корову! Эй, История, – это там не твой фигов трейлерный парк показывают?

Я стискиваю кулак, и упаковка мармеладок похрустывает. Внутри я так и киплю, но вслух не говорю ничего. Начать с того, что это парк отдыха, а не «трейлерный парк». И вообще-то – это Моди! Она мне очень нравится. Она помогает мне с домашкой, и угощает горячим шоколадом, и…

– Весна – это, конечно, начало туристического сезона в Уитли-Бэй. Время покажет, привлечёт ли таинственное существо толпы людей – или отпугнёт. С вами был Джейми Бейтс, Тайнсайд, для «Часа новостей».

– Спасибо, Джейми. А на сайте «Часа новостей» вы можете увидеть фотографии, на которых якобы изображена Кобака из Уитли. Теперь вернёмся к продолжающей ухудшаться международной ситуации: премьер-министр, миссис Боатенг, быстро отреагировала на заявления о том, что…

Позади меня слышится торопливое движение и звяканье магазинного колокольчика.

Когда я оборачиваюсь, Мэнни уже нет. Дина ухает, изде-

вательски хохоча:

– Побежал его ловить!

Её подружки хихикают в ответ.

Я поспешно выбегаю из магазина следом за Мэнни, оставляя «Харибо» на прилавке. В ушах у меня звенит Динин глумливый смех.

– История и Мистика снова в деле, ха-ха! Эй, спасибо за мармеладки!

– Плюнь на неё, – говорит Мэнни, дожидавшийся меня чуть ниже по улице. Он не в силах сдержать восторженную дрожь в голосе. – Я хочу увидеть Кобаку из Уитли! Быстрее – посмотри в своём телефоне! Через мой в интернет не зайти.

Я захожу на сайт «Часа новостей». Фотка совсем плохая. Она сделана с огромного расстояния и увеличена в несколько раз, так что чёткость здорово хромает. Вроде как можно разглядеть большие заострённые уши и один сверкающий глаз, но тело в основном скрыто кустами.

– Понимаешь, о чём я? – говорю я. – Это не доказательство, это…

Я смотрю на Мэнни, ожидая, что он будет так же разочарован, как я, но вместо этого его лицо так и светится.

– Ты разве не говорила, что та пожилая леди – это Моди, ваша садовница?

– Ага – ну, она помогает понемногу и чинит всякое-разное, и…

– И что, она врунья?

– Нет! Конечно нет! Она… она Моди.
Он срывается с места, крича мне:
– Тогда едем! Чего ты ждёшь?

Глава 4

Мы едем прямиком в «Счастливую Страну» – она совсем рядом с нашим домом. По крайней мере, эта «Кобака из Уитли» – хороший повод заскочить к Моди, которая живёт в одном из домиков.

По дороге Мэнни прокалывает шину. Он катит велик за мной к мастерской тире хижинке Моди, где она – в любую погоду – сидит на древнем продавленном диванчике и слушает новости по радио, или гладит одну из своих кошек, или дремлет.

Мэнни не отставал от меня с той минуты, как мы ушли из магазина.

– Какая она? Что она видела?

– Просто сохраняй спокойствие, – говорю я ему. – Моди, она очень… добрая.

Когда мы заходим за аккуратно подстриженную живую изгородь, Моди сидит на своём обычном месте. Она поднимает голову и улыбается, отчего её очки сползают вниз по носу, а потом встаёт с дивана. Диван поскрипывает, прямо как она, и это будит полосатого Платона, решившего в сотый раз за день вздремнуть.

Моди всегда радуется, когда её просят что-нибудь починить. При виде сломанного велосипеда она сияет, будто Мэнни преподнёс ей букет цветов, и потирает руки. Она

слишком старенькая для разных тяжёлых работ в парке, но на верстаке у неё всегда лежат какие-нибудь разобранные штуковины.

– Шина прокололась, а, юноша? – говорит она, немедленно это замечая. Одним плавным движением она переворачивает велик Мэнни и принимается отсоединять колесо, а потом снимать шину. – Мне нравятся твои джинсы, – говорит она, взмахивая монтажной лопаткой. Джинсы у Мэнни красно-белые в клеточку (я не шучу). – У меня самой такие были когда-то, в своё время.

Моди очень старая, довольно низенькая и такая круглая, что покачивается, когда входит в свой сарай и выходит из него, прихватывая инструменты, ремонтные наборы и всякое такое. Я не знаю точно, сколько ей – мама думает, ей «хорошо за восемьдесят», но выглядит Моди гораздо моложе; лицо у неё сияющее, круглое, ровное и загорелое до светло-медного оттенка от слабого солнца и солёного воздуха. На длинных седых волосах, которые она часто заплетает в косы с бусинами, она носит старую тёмно-синюю беретку. Одета она всегда в один и тот же комбинезон, увешанный разноцветными значками и нашивками, с надписями вроде «**МИР**», «**СИЛА ЦВЕТОВ**», и одним, который, как она утверждает, стоит сотни фунтов, на котором написано «**КЕННЕДИ В ПРЕЗИДЕНТЫ '60**». Этот приколот у неё к груди – «рядом с сердцем», как она выражается.

Моди мне вроде дополнительной бабушки, пожалуй. Ма-

мины родители, дедуля и бабуля, живут в Лидсе, поэтому я не очень часто с ними вижусь. Папины родители развелись. Его мама живёт в Лондоне; у неё всё хорошо. А его папа умер во время большой пандемии, когда я была совсем маленькой, так что я плоховато его помню.

– Ты очень тихий, сынок, – говорит Моди Мэнни с улыбкой, демонстрируя щербатые зубы. – Ага, вот он. Шип, да здоровенный какой. Сейчас всё направим.

Тихий? Да бедный Мэнни сейчас лопнет.

Мы стоим и наблюдаем, как старые, узловатые пальцы Моди ловко делают отметку на камере, выдавливают клей и накладывают заплатку, и в конце концов Мэнни больше не может сдерживаться.

В его глазах словно зажигается свет, и Мэнни говорит:

– Что вам известно про то животное? Мы видели вас по телику! Что именно это было такое? Думаете, оно откуда-то сбежало? – Вопросы из него так и сыплются.

Моди медленно отводит взгляд от перевёрнутого велика и поправляет свою беретку.

– Ха-ха! Оно говорящее. Ну да, я точно его видела. Ох и здоровенное оно было. – Она вытягивает руку, показывая размеры животного – чуть ли не по пояс ей.

– Когда это было? – спрашивает Мэнни, не скрывая нетерпения в голосе.

– Пару ночей назад. Я кой-чего попивала, сидела там, где за птицами-то смотрят, знаете?

Я киваю. Между парком отдыха и пляжем есть небольшой заповедник с искусственным озером. Там стоит старый сломанный трейлер для любителей понаблюдать за птицами, куда Моди иногда ходит посидеть с баночкой пива и поглядеть на птиц, пока небо над мелким озером темнеет. Как-то раз она сказала мне, что это «лучше, чем все эти телевизоры».

– Он вылез из воды. Уже темнело, и он пробежал по берегу озера и скрылся в тенях, и я его из виду потеряла.

Мэнни мрачнеет.

– Не переживай, сынок, – говорит Моди. – Я всё выглядывала его и наконец увидала снова, там, пониже. – Она машет рукой в сторону моря. – Он бежал по пляжу к Калверкоту, держался в тени.

– Погоди, Моди, – говорю я. – По телику ты сказала, что видела, как оно вылезает из моря.

Она подмигивает мне сквозь заляпанные очки.

– Ха! Ставишь под сомнение источники, э? Это был небольшой, ээ, *отвлекающий манёвр*, так-то! Мы же не хотим, чтобы сюда повалили все толпами и перепугали нам птиц, правда ведь? К нам как раз сорокопут-жупан прилетел, а я их с 2026-го не видала. Вот так вот, – говорит она, возвращая Мэнни снова поставленный на колёса велик. – Как новенький.

– Ты правда думаешь, что это какое-то существо, которое раньше никто не видел? – спрашиваю я.

Моди от души пожимает плечами, и вся верхняя часть её

тела сотрясается.

– Представления не имею, дружок. Но если мы чего-то не знаем, совсем не факт, что этого не существует.

Эта фраза мне знакома: так сказал Мэнни, когда говорил, что его мама жива.

– Именно! – гаркает он, а потом хватает велик и вскакивает на него так быстро, что успевает проехать несколько метров, прежде чем притормозить и развернуться. – Спасибо, Моди. Спасибо огромное! – А потом снова уносится, ожидая, что я поеду следом.

Я так и делаю.

У Мэнни есть одна раздражающая особенность – которой я в то же время вроде как восхищаюсь, если честно, – он всюду заявляется с таким видом, будто ему там автоматически рады. Как в тот день, когда он только пришёл к нам в школу: он просто уселся на своё место, сразу же устроив всё по своему вкусу.

И теперь он опять так делает: рассекает «Счастливую Страну» на велике, полностью игнорируя знак, запрещающий велосипеды. Я бы сказала ему слезть, потому что, ну… потому что таковы правила. Но туристический сезон ещё не наступил, и гостей не так много. (Честно говоря, даже во время сезона у нас довольно пусто – это ещё одна причина, по которой мама с папой вечно ссорятся.)

Вот это я и считаю «домом». Наш маленький домик рас-

полагается практически в самом парке, и мама с папой управляют бизнесом, принадлежавшим нашей семье много лет. На ресепшен висит фото прапрадедушки Роджера, который и начал всё это как трейлерный парк в тысяча девятьсот пятьдесят каком-то, а теперь здесь целых 120 домиков – и вовсе даже не трейлеров, во всяком случае не таких, какие тянут за машиной. Большинство из них мы называем «бунгало» – это по сути одноэтажные хижинки. Правда, теперь в них влажновато, и они обветшали – по крайней мере если верить последнему отзыву с одной звездой на сайте Счастливой-Поездки точка ком, что здорово расстраивает папу. (Он говорит, у нас не хватит денег их отремонтировать.)

Я качу мимо открытого бассейна. Его надо почистить, а местами – заменить плитку, но он не подогревается, так что в нём не купается никто, кроме совсем мелких детей в самые тёплые летние дни. Да и тогда они вылезают из воды розовые, как мармеладные свинюшки, и мамам приходится растирать их полотенцами, чтобы согреть.

Мэнни я догоняю возле полосы препятствий «Дикие джунгли» – такой тематической игровой площадки с разными горками и всем прочим. Сейчас она огорожена канатом, потому что многим аттракционам не хватает деталей, а карусель сломана.

– Ого, Уилла! Жалко твою площадку!

– Она не моя, – говорю я, внезапно смущаясь потрёпанного состояния парка. Мэнни не слушает. Останавливается

он только на противоположном конце парка, где стоит дряхлый трейлер, наполовину заваленный ветками, в нескольких метрах от природного резервуара – по сути очень большого пруда.

– Это место она имела в виду? – спрашивает Мэнни, и я киваю. – В таком случае, тут мы наши поиски и начнём. Во сколько темнеет?

– Примерно, эм… часов в восемь? – отвечаю я. Во взгляде Мэнни появляется что-то маниакальное, и я уже вижу, что ситуация может немного выйти из-под контроля.

Если бы я только знала, насколько.

– Ты точно в этом уверен? – уточняю я.

Он закатывает глаза.

– Уилла! Если он был когда-то замечен здесь, значит, есть большая вероятность, что мы заметим его здесь снова. Так? Если только Моди не врёт, конечно, – с хитрецой добавляет он. – Ой, ну ладно тебе – не смотри на меня так!

– Дело… в маме с папой, – говорю я. – Они не любят, когда я по темноте разгуливаю.

Мэнни смеётся, но, кажется, без издёвки. Он как будто просто не видит в этом проблемы.

– Ладно – во-первых, отсюда практически *видно* твой дом.

Не видно, но он не так далеко. Я понимаю, что Мэнни имеет в виду.

– Во-вторых, до тех пор, пока ты остаёшься по эту сторону изгороди, ты всё ещё находишься на территории пар-

ка, так? Ты всё ещё *дома*. В-третьих, темно не будет. Может, будет сумеречно, но «по темноте» тебе точно разгуливать не придётся. В-четвёртых, это исследование дикой природы для школьного проекта. Мы собираем доказательства.

Вот это точно неправда, но, не успеваю я ничего сказать, как он стаскивает рюкзак, достаёт очередную книгу про таинственных существ и машет мне ею.

– Это школьный проект, а ты – моя напарница! – Он не ждёт, пока я отвечу. – Увидимся сегодня в семь! Нет. Лучше завтра.

– Почему завтра?

Мэнни отворачивается с немного виноватым видом.

– Мне кое-что нужно сделать.

А потом просто уезжает – вихрь красок на велосипеде – будто его голова уже занята чем-то совершенно другим.

Через несколько метров он останавливается и оглядывается. Я осознаю, что выгляжу обеспокоенно, и натягиваю на лицо улыбку. Мэнни ухмыляется и отбрасывает с глаз чёлку.

– Расслабься, Уилла. Если следовать правилам, в историю не войдёшь!

Глава 5

Я всё ещё думаю о том, что Мэнни сказал насчёт правил, когда по дороге домой миную домик Моди. Он почти что незаметен на фоне остального парка, скрытый за живой изгородью. Половина участка занята всяким хламом, разложенным ровными рядами и местами прикрытым брезентом. Тут есть сломанные качели, два старых автомобильных двигателя, половина классического мотоцикла («Это «Нортон»», – с гордостью говорит Моди, будто я должна впечатлиться), газонокосилка, на которой нужно сидеть, газонокосилка, которую нужно толкать, разобранный пластмассовый домик для кукол. Ещё здесь стоит её сарай, передняя часть которого полностью открыта, демонстрируя верстак с бесчисленными инструментами, отполированными так, что кажутся новыми.

Продавленный диванчик Моди, плюс садовый стул, накрытый тряпьём и подушками, стоят возле буржуйки – всё это под крышей из гофрированного железа, с которой свисает табличка с выцветшей надписью «НЕТ БОМБАМ». Моди называет это своей «сидельней», потому что тут она сидит.

Когда я появляюсь из-за изгороди, она поднимает взгляд, улыбаясь, и откладывает в сторонку большую деревянную букву «С», отвалившуюся от знака «Счастливая Страна» у входа, которую она чистила.

Моди была здесь с тех пор, когда папа ещё был маленьким,

а «Счастливая Страна» – просто трейлерным парком. Она не платит за жильё, потому что работает тут.

Родных у неё немного. У неё есть сын по имени Каллум, он живёт в Канаде. Я его никогда не видела. Кто отец Каллума, я не знаю. Зато у Моди есть кошки: целых три, их зовут Аристотель, Платон и Берта.

«Бедная старая Моди, – как-то сказала нам с Алекс мама. – Вы ей всё равно что внучки».

Кажется, Алекс это слегка напугало. Она редко когда бывает у Моди – слишком занята видеоиграми, влюблённостями и обновлением соцсетей.

Зато я хожу к Моди почти каждый день, после школы. Мне нравится сидеть на старом деревянном ящике и гладить какую-нибудь из кошек, пока она варит на маленькой буржуйке горячий шоколад и рассказывает одни и те же старые истории – а я и не против. Тут гораздо спокойнее, чем дома.

У неё есть история о том, как в молодости она служила на флоте и плавала с китом; или как она гостила у сына в Канаде и наткнулась на медвежонка гризли; или как в тысяча девятьсот шестьдесят каком-то встретилась с президентом Америки и посидела у него в машине…

– Какой хочешь сегодня, Уилла? – спрашивает Моди, указывая на гору шоколадных плиток в разных упаковках на полке позади неё. Я тычу в одну наугад.

Горячий шоколад она делает сложным способом: размешивает дольки тёмного шоколада в горячем молоке – но шо-

коладки у неё такие, каких в обычных магазинах не найдёшь. Кажется, ей их откуда-то привозят, и они всегда вкуснющие.

– А, хороший выбор, – говорит она, беря плитку в красной обёртке. – Мадагаскарский, ручной прессовки, сильной обжарки. Целых семьдесят процентов какао – мягкий, тёмный и богатый, в отличие от моего бывшего муженька. Ха!

Она немного помешана на шоколаде, наша Моди. Говорит, её прапрапрадед изобрёл шоколадные плитки, а она просто «сохраняет семейную историю».

Пока она разворачивает шоколадку и ломает её на дольки в потрёпанную кастрюльку, я говорю:

– Моди? Ты ведь не стала бы ничего придумывать, правда? Ну в смысле – насчёт того животного?

Как видите, я всё ещё слегка сомневаюсь.

Моди смотрит на меня с недоумением, и я немедленно жалею, что вообще спросила.

– Зачем бы мне это? – отвечает она немного обиженным тоном.

– Ну просто… свидетельствам очевидцев не всегда можно доверять.

Она обдумывает это и говорит:

– Возможно. Но правда – она правда и есть, веришь ты в неё или нет. Почти вся история состоит из одних только свидетельств очевидцев. Из них и из того, что удалось заснять.

Моди кивает в сторону стены, и я замечаю, что над её верстаком приколота новая фотография.

У неё их несколько в рамках: два-три фото Каллума в детстве, ещё одна – во взрослом возрасте с каким-то мужчиной, оба они в костюмах и улыбаются в камеру на фоне канадского флага. А теперь появилась ещё распечатанная копия газетной статьи. Я встаю, чтобы разглядеть поближе.

– Кажется, я говорила тебе об этом, а? Старая подруга по флоту нашла эту статью и отправила мне.

Здесь фото молоденькой девушки в матросской форме, пожимающей руку красивому улыбающемуся мужчине в костюме.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ
ДЛЯ ЮНОЙ КАДЕТКИ
3 июля 1963

Президент США Джон Ф. Кеннеди пожимает руку юной морской кадетке во время

своего визита в Соединённое Королевство на этой неделе.

– Это ты? Как здорово, – говорю я. – Но что, больше ничего не было, даже твоего имени? Только фото?

Моди отвечает, помешивая дымящееся молоко:

– Агась. Только это напечатали. Я рассказала репортёрам, о чём мы с президентом говорили, но, кажется, им было не очень интересно. По правде говоря, я думаю, они мне и не поверили вовсе.

– А стоило бы, – говорю я, усаживаясь обратно на ящик

с подушкой. – Это классная история! Встреча с таким человеком собственной персоной.

– О да, ты права. Очень жаль, что из этого вышел пшик. Вот я почти двадцать минут болтала с президентом Соединённых Штатов, а он внимательно слушал, понимаешь? Слушал, как маленькая семнадцатилетняя я трепалась о своём великом видении мира!

Я кучу раз слышала эту историю, но не против послушать ещё разок. Визит президента Кеннеди в Англию в 1963-м – всего за несколько месяцев до того, как его убили – даже вошёл в моё победившее в историческом конкурсе эссе. Как рассказывает Моди, президент посещал военно-морскую учебную базу и задержался из-за проблем с двигателем машины, а Моди насмешила его, сказав, что если бы это был двигатель корабля, его починили бы в момент, и предложив подбросить президента на своём мотоцикле.

«Какая бойкая девица! – сказал президент Кеннеди кому-то из своих охранников. – Хочешь содовой, кадет?» И достал баночку колы из холодильного отсека своей машины.

Моди разливает горячий шоколад по щербатым кружкам.

– Холодильник в машине – только представь! И вот я уже сидела с президентом Кеннеди на заднем сиденье и рассказывала ему, как пошла на флот вместо того, чтобы продолжать учиться, и про свой сон о мире, где люди говорят друг с другом вместо того, чтобы драться. Вселенная Вне Войны! Юное сердце и оптимизм непременно убедят всех в мире пе-

рестать воевать! Хи-хи!

Она закатывает глаза и причмокивает.

– Если бы только, э, Уилла? Если бы только! Я могла бы изменить историю, сидя в той машине.

– По-моему, это чудесная мысль, Моди! – Я уже говорила ей об этом раньше, и она печально улыбается.

– Знаешь, мне кажется, президент Кеннеди тоже так думал. Когда он уезжал в своей починенной машине, я видела, как шевелился его рот – он разговаривал с секретарём. Я читала по губам. И он рассказывал ему про Вселенную Вне Войны. А потом постучал по его блокноту, будто говорил: «Запиши это».

Её пальцы нащупывают значок «КЕННЕДИ В ПРЕЗИДЕНТЫ» на комбинезоне.

– Конечно, все знают, что случилось с бедным старым президентом Джоном Ф. Кеннеди, не успел ещё тот год кончиться.

Я знаю. Ещё бы я не знала. Каждый год 22 ноября Моди поднимает на шест, на котором обычно развевается баннер «Счастливой Страны», выцветший американский флаг. Это её дань памяти президенту, с которым она познакомилась и который был убит в этот день в 1963-м, когда ему было всего сорок шесть.

– Видишь ли, Уилла, всего за несколько месяцев до моей с ним встречи весь мир верил, что грядёт ядерная война. Америка, Россия – все поглядывали друг на друга, держа пальцы

на кнопках, готовые запустить оружие, которое уничтожило бы весь мир. А всё из-за чего?

Это я знаю.

– Из-за маленького островка в Карибском море.

Моди дует на свой горячий шоколад и шумно прихлёбывает.

– В точку. «Кубинский ракетный кризис», как его сейчас называют. Ядерная война никогда ещё не казалась такой близкой. Весь мир был в ужасе, Уилла. – Она делает паузу, размышляя, развивать ли мысль. – Прямо как сейчас, э?

Потом повторяет, практически шёпотом:

– *Прямо как сейчас.*

Моди перебирает кончики своих длинных седых волос и глядит в пламя печки.

– Только подумать, э? Только подумать, что могло бы произойти, если бы весь мир *перестал* драться. Если бы все силы, и мозги, и деньги были бы направлены на решение *других* проблем. В каком мире мы бы теперь жили, э?

Она отчего-то начинает казаться старее – уголки рта опущены, в глазах поблёскивают слёзы. Долгое время я ничего не говорю, просто наблюдаю, как её веки постепенно опускаются.

– Спасибо за горячий шоколад, Моди, – шепчу я, но она уже где-то далеко, зачарованная огнём, кружка дымится с ней рядом, Платон и Берта дремлют у ног.

Через некоторое время Моди начинает посапывать, но я

всё равно остаюсь: дома меня ждут лишь новые ссоры. Только допив шоколад, я наконец встаю и на цыпочках ухожу.

Глава 6

Следующий день – воскресенье, и на улице дождь. Я слышу, как он барабанит в моё окно, ещё до того, как встаю с кровати. Приложение с погодой утверждает, что лить будет весь день. Круто.

А приложение с новостями сообщает, что в стране, о которой я даже не слышала никогда, «группа мятежников» напала на «опорный пункт правительства». Новые убитые.

Я подумываю поспать ещё немного, но мама с папой уже опять препираются. Хлопает задняя дверь, а потом я слышу, как ругаются мама и Алекс. Сначала я пытаюсь прислушиваться, но потом решаю, что даже знать не хочу, в чём на этот раз дело.

Я закрываю глаза, и в мыслях возникает лицо Мэнни – с широкой улыбкой, слишком длинной чёлкой и зелёными глазами. На миг мне становится легче, и я встаю с кровати.

Остаток дня проходит словно в тумане за:

1. Домашкой по истории. («Представьте, что вы солдат в битве при Гастингсе. Опишите этот день».) Обычно я люблю делать домашку по истории, но сегодня мне удаётся исписать всего одну сторону листа, и то увеличив почерк – надеюсь, миссис Поттс ничего не заметит.

2. Домашними делами. Мы с Алекс должны прибраться в ванных и подмести дорожку. Алекс выбирает дорожку, но

говорит, что подметёт попозже, потому что на улице дождь, и это означает, что она вообще не будет подметать. Когда я обращаю на это её внимание, она кричит на меня и топает к себе в комнату.

3. Просмотром телика на кухне. *«Премьер-министр выразила серьёзное беспокойство в связи с обострением международной ситуации…»*

– Ох, эта война всё хуже делается, дружок. Она приближается, – говорит мама.

Я убавляю громкость, а Алекс снова прибавляет.

– Если папа умрёт, я хочу знать, из-за чего, – рявкает она, и мама резко говорит:

– Алекс – хватит!

Но дело уже сделано. Я перевожу умоляющий взгляд с мамы на сестру, ожидая объяснения того, что Алекс только что сказала, но ни одна из них не встречается со мной взглядом.

В конце концов мама вздыхает и бормочет:

– Ты же знаешь, что папа раньше управлял самолётами в Королевских ВВС, Уилла.

Я киваю. Конечно, знаю, хоть он и ушёл из воздушных сил, когда я была маленькой. Мама продолжает, всё ещё не глядя на меня:

– Что ж, если эта война начнётся, есть вероятность – небольшая вероятность – что его снова могут призвать на службу. Не думаю, что он будет летать. Скорее всего, попа-

дёт в наземный экипаж. Если это вообще произойдёт. – Потом она сердито смотрит на Алекс, словно говоря: «Теперь ты довольна?»

Я тихо закрываю дверь кухни и иду в свою комнату – не уверена, что они вообще заметили, что я ушла.

Весь день в воздухе между мамой и папой висит, как тяжёлые тучи в небе, невысказанная злость. Крыша одного из наших бунгало протекла, и гостей пришлось переселять. Это вызвало волну цоканья и фырканья от мамы, потому что папа говорил, что якобы всё починил.

Я пытаюсь подбодрить себя мыслью, что вечером, возможно, увижу странное существо. Это не очень-то помогает, потому что я всё ещё не верю, что в нём есть что-то особенно странное. Это же наверняка просто большая собака. Сосед моего кузена Зака в Консетте когда-то держал леонбергера – он был крупнее шестилетней меня. Ладно, здоровенного длинного хвоста у него не было, но, может, этот зверь какая-то полукровка?

В общем, с того момента, как я узнала, что папе, возможно, придётся отправиться на войну (какой бы маленькой ни была вероятность), весь мой энтузиазм иссяк до капли. Мне не хочется даже писать Мэнни сообщение.

Раньше по воскресеньям родители устраивали себе «романтический вечер». Они уже сто лет так не делали. Вместо этого мама пошла к своей подруге Эмме, а папа – в какой-то

паб. Со мной «нянчится» Алекс. Замороженная пицца, которую оставила мама, у неё подгорела, так что я выела только серёдку и теперь слышу голос сестры через дверь дальше по коридору. (Она вечно вопит: «Божечки! Нет! …да ладно! …Божечки …что он сказал? Божечки!»)

Я сижу у себя и пялюсь в потолок. Я устала, хоть почти ничего и не делала. Так что когда у меня в кармане вибрирует телефон, я взвизгиваю. Сообщение от Мэнни.

Видел его. Охота началась.
Идём сейчас.

Он *его видел*? Не успеваю я дочитать сообщение, как в окно стучат – к мокрому стеклу прижимается лицо Мэнни. Моё сердце вроде как чуточку подпрыгивает, но в хорошем смысле.

Когда я открываю переднюю дверь, глаза Мэнни сияют даже ярче обычного. Меня это немножко пугает. Он едва сдерживает восторг и перепрыгивает с ноги на ногу. (На ногах у него фиолетовые конверсы, кстати. *Фиолетовые?*)

– Блин, я видел его, Уилла! Честное слово. Точно там, где Моди и сказала. Рядом с тем птичьим озером.

– Ты хочешь сказать, в Природном заповеднике имени Роджера Шафто, – говорю я, возможно, чересчур въедливо, но это ведь всё-таки мой прадед. Неважно – Мэнни всё равно не замечает. Он похлопывает по плотно набитой конусообразной сумке, свисающей на ремне с его шеи.

– Прихватил камеру! С большим телеобъективом. Как раз

подойдёт.

– Где ты взял…

– Джейкоб мне одолжил, – отвечает он, как-то слишком быстро.

Джейкоб, его соцработник? Как-то подозрительно.

– Ты его попросил – и он вот так просто одолжил тебе камеру?

– Ну, я его сегодня не видел, но он точно именно так бы и сделал, если бы я попросил, наверное. Она просто лежала у него в комнате, не запертая, ничего такого. Так что, знаешь… всё нормально.

Повисает неловкая пауза: до меня доходит, что Мэнни именно поэтому решил дождаться сегодняшнего вечера.

– Ну так ты идёшь, – говорит он не то чтобы вопросительным тоном.

Я прикладываю палец к губам. Я всё ещё раздумываю, стоит ли оно того, когда иду по коридору в комнату Алекс и стучусь в дверь. Она не услышит, как я улизну. Иногда мне кажется, её наушники приклеены к ушам суперклеем. Я вхожу, говорю ей, что лягу пораньше, а она показывает мне сложенные буквой «М» большие и указательные пальцы: «Мне пофиг». Даже от ноута своего не оторвалась.

Думаю, это всё решает.

Вернувшись к себе, я беру телефон и кладу его на зарядную панель. Мама с папой заставили меня установить «Семейный трекер» – отслеживающее приложение, отключить

которое я не могу, иначе им придёт уведомление, так что лучше оставить телефон здесь.

Прежде чем вернуться к Мэнни, я делаю глубокий вдох.

Это правда я? Убегаю из дома за спиной у Алекс, когда на улице уже темнеет? А эта камера у Мэнни: одалживать что-то без разрешения – это разве не воровство? Я не до конца уверена. Я никогда особо не нарушала правила. До этого момента.

Глава 7

Я кручу педали как бешеная, чтобы поспеть за Мэнни; на спине у меня болтается рюкзак, который он мне швырнул. На юге, справа от меня, восходит здоровенная полная Луна.

Мэнни что-то говорит мне по пути, но его слова то и дело уносит ветер:

– …станем знамениты, блин, Уилла! …из воды …рыба в пасти …прячется в птичьем заповеднике …ест яйца …вероятно, сбежал из частной коллекции экзотических животных…

В конце концов я не могу за ним угнаться, хоть ехать и недалеко. Ну зато дождь прекратился. Впереди – чистое сумеречное небо над морем, а значит, я не потеряю Мэнни из виду.

Там, где дорога делает поворот к маяку, мы останавливаемся. Мэнни хмыкает и говорит:

– Как я и ожидал.

Мы не единственные, кто надеется сфоткать Кобаку из Уитли. На обычно пустой парковке стоят шесть машин, повсюду люди с биноклями и камерами на штативах – все направлены в сторону пляжа.

– Только подумай, Уилла. Мы не только знаем, куда смотреть, в отличие от них, но ещё у нас есть кое-какое преимущество, которого у этих лопухов нет. – На его лице возника-

ет полуулыбка. – Оно у тебя.

– У меня? – Я лезу в рюкзак, который дал мне Мэнни.

Внутри лежит картонная коробка с тремя жестяными банками, размером и формой напоминающими очень большие жестянки с тунцом. Я достаю одну. Этикетка не на английском, и каждая банка слегка распухла сверху и снизу, будто внутри что-то вздулось.

– Эй, полегче. Вот эта уже готова взорваться, а ты точно *не* захочешь, чтобы это произошло.

Мэнни чересчур раскомандовался, так что я не могу удержаться и швыряю ему банку. Ну то есть, это же просто маленькая жестянка. Что плохого может случиться?

– *А-а-а*, нет!

Кидаю я паршиво, но не так паршиво, как Мэнни – ловит. Банка ударяет его о запястье, отскакивает от другой руки, которую он вытянул, пытаясь её схватить, а потом шмякается об руль. В конце концов она приземляется и лопается, мощно разбрызгивая повсюду жидкость: по тропе, по велику Мэнни и по его джинсам.

Две секунды спустя в нос нам обоим ударяет запах – и под словом «запах» я имею в виду не аромат и не лёгкое дуновение, а такую невыносимую вонь, что на миг я столбенею. Этот удушающий рыбный смрад хуже всего, что мне когда-либо доводилось нюхать, включая тот раз, когда прошлым летом в «Счастливой Стране» засорилась канализация, и целый день возле ресепшен красовалась огромная, ко-

ричневая, вонючая лужища.

Торопясь оказаться как можно дальше от запаха, я поскальзываюсь на жиже из банки и утаскиваю за собой на землю Мэнни, и пока мы пытаемся встать, наша одежда пропитывается ею. Через несколько секунд банка перестаёт брызгать: теперь из неё на траву, словно из раны, сочится только чистая слизь.

Я пячусь прочь, пыхтя и пытаясь дышать ртом.

Мэнни тем временем стонет:

– О нет, о нет, о нет… – и тоже встаёт. Он поворачивается ко мне: – Ты настоящая… – но не договаривает, видя, что меня едва не тошнит.

– Что… ради всего… – Я запинаюсь, чтобы снова откашляться. – Что это *такое*?

– Это, Уилла, называется *сюрстрёмминг*.

Я пытаюсь повторить.

– Сюр… стрёмный? И это?..

Я жду, что он скажет, что это какой-то промышленный очиститель или супермощный растворитель. А может, какое-то запрещённое химическое оружие, про которое рассказывали по новостям. Что угодно, но не то, что он говорит дальше.

– Это, эм… это такая шведская еда. Её Джейкоб ест. Он хранит её в сарае на заднем дворе.

Мне даже спрашивать не нужно. Джейкоб одолжил это Мэнни точно так же, как свою камеру.

– Он… он это *ест*? Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

– Знаю. Слегка попахивает, да?

– Слегка?.. Мэнни. Это самая вонючая вещь… которую я только… – Честно говоря, мне кажется, от вони у меня слегка помутилось в голове.

– Это селёдка, которая стухла, или ферментирована, или что-то такое. Её кладут в жестянки, которые могут раздуться из-за выделяемого газа. А потом, ну… знаешь, едят. Джейкоб говорит, со сметаной вкуснее всего.

Мгновение я свыкаюсь с этой мыслью.

– Ну, наверное, если собираешься есть стухшую рыбу, почему бы не добавить к ней скисшие сливки? Но… *почему*? – скулю я, искренне недоумевая. – Почему, как кто-то это ест?

Мэнни пожимает плечами.

– Джейкоб говорит то же самое про мармайт.

Я сдаюсь. Меня по-прежнему подташнивает. Но я уловила ход мыслей Мэнни.

– Это приманка?

Он кивает.

– Хитро, а? Зверюга не устоит.

Полчаса спустя мы как смогли почистились пучками мокрой травы и высохшей влажной салфеткой, которую я нашла у себя в кармане, но запах по-прежнему висит у меня в ноздрях и липнет к джинсам. От открытой банки несёт уже не так ужасно. Воняет в основном жидкость, а не сама ры-

ба, хотя при одной только мысли о том, чтобы её есть, меня снова мутит.

Мы оставили пляжную парковку криптидоискателям-любителям, а сами пришли в убежище наблюдателей за птицами – старый побитый жизнью трейлер. Мэнни дал мне жвачку, чтобы перебить запах *сюрстрёмминга*.

– Это чистая вода, так? – говорит Мэнни. Мы смотрим на мелкое озерцо, которое много лет назад вырыл для заповедника мой прадед. – Каждому зверю нужна чистая вода, верно? Так что эта тварь обязана прийти – рано или поздно. Я видел только уши и голову. Неудивительно, что Моди его заметила – они были огромные. Мы подманим его нашей пахучей наживкой!

Честное слово – Мэнни так уверен в себе, что я почти что начинаю во всё это верить. Мы вываливаем большую часть рыбы из лопнувшей банки у кромки воды, рядом с полупотопленной тележкой из супермаркета, а оставшуюся жидкость выливаем на дорожку, ведущую к трейлеру. В рюкзаке осталось ещё две банки – Мэнни несёт его особенно осторожно на тот случай, если и они взорвутся.

Стоит прохладный весенний вечер, и холод проникает в трейлер через проломанный пол. Перед нами, очень низко в небе, висит Луна – великолепная, полная, с лёгким оранжевым оттенком и кажущаяся крупнее, чем обычно.

Не сводя глаз с Луны, Мэнни предлагает мне сэндвич из треугольной упаковки, но он с тунцом, и есть мне вообще не

хочется, так что вместо этого я беру ещё пластинку жвачки. Мэнни уже некоторое время молчит. От этого мне становится не по себе.

– Почему она сегодня больше? – спрашиваю я, только чтобы нарушить тишину. – Ну то есть, Луна же не должна меняться в размерах?

– Она не больше, – бубнит Мэнни с набитым ртом. – Это только кажется. Сегодня суперлуние.

Он снова замолкает, так что мне приходится его подтолкнуть.

– И что это такое?

Ему как будто приходится приложить усилие, чтобы отвести взгляд. Он проглатывает кусок и говорит:

– Это самая громадная иллюзия в мире, так-то. Начать с того, что Луна находится в ближайшей точке к земной орбите. Это называется перигей. Когда полная Луна совпадает с перигеем, получается суперлуние, и она кажется на четырнадцать процентов больше.

Он говорит это без запинки, будто выучил. Меня терзают смутные сомнения.

– И откуда ты это знаешь? – интересуюсь я.

Мэнни вздыхает, будто прикидывая, стоит ли рассказывать.

– Я… я вроде как изучал этот вопрос. – Тон у него практически смущённый, а я хочу, чтобы он рассказывал дальше, так что помалкиваю. В конце концов он говорит: – Я узнал,

что моя ма пропала как раз в суперлуние. Поэтому мне и интересно.

Теперь я чувствую себя просто ужасно.

– Это очень грустно, Мэнни, – говорю я.

Он кивает и издаёт странный глотающий звук, а когда я смотрю на него – он уже отвернулся.

– Мэнни? Всё нормально?

Он делает глубокий вдох и снова поворачивается – челюсти у него крепко сжаты, как и в первый раз, когда он рассказывал про свою маму. Потом он кивает.

– Да. Порядок. Просто…

Я не тороплю. Мэнни меняет позу, чтобы лучше меня видеть, и глубоко вдыхает.

– Я расскажу тебе кое-что, если обещаешь не смеяться?

Я быстро киваю.

Он закрывает глаза и как будто заставляет себя говорить.

– Понимаешь, я её чувствую. Луну. Суперлуние. Иногда, по крайней мере.

Я таращусь на него, и он таращится на меня в ответ. Мне хочется сказать: «Не неси бред, Мэнни», но ему явно потребовалось немало смелости, чтобы в этом признаться.

Он медленно протягивает мне руку, и я чувствую, что обязана пожать её, хоть это и странновато. Я отчасти ожидаю ощутить удар статическим электричеством, как от ковра в музыкальном кабинете, но этого не происходит. Разве что… может, слабенькое, почти неразличимое покалывание, кото-

рое легко может оказаться плодом моего воображения, потому что взгляд у Мэнни довольно пристальный.

Понизив голос и так приблизив ко мне лицо, что наше дыхание смешивается, он говорит:

– Ты тоже это чувствуешь? – и я слегка киваю, хоть я в этом и не уверена.

– Что это? – спрашиваю я пересохшими губами.

Мэнни убирает руку, и я осознаю, что моя ладонь мокрая от пота (я думаю, моего собственного), а сердце бешено колотится.

– Не знаю, – говорит он, снова глядя на воду. – Но иногда у меня такое бывает. Правда, сегодня оно особенно сильное, потому что перигей экстремальный – так близко к Земле Луна оказывается только раз в несколько десятилетий. Суть в том, что, если верить экспертам, во время суперлуния повышаются шансы увидеть криптида. Это как-то связано с повышенным свечением и гравитационным притяжением Луны, отчего усиливаются приливы, и это влияет… тс-с.

– На что влияет?

Мэнни глядит прямо вперёд, вытаращив глаза.

– *Тс-с.*

Глава 8

Я слежу за его взглядом, но по-прежнему не вижу, чтобы что-то двигалось. Если точнее, ночь такая совершенно неподвижная и безмолвная, что это завораживает. Луна на королевско-синем небе поднялась ещё выше; она сдвинулась вправо, к западу, и идеально отражается в болоте птичьего заповедника.

Я смотрю на время: пол-одиннадцатого. Я немного нервничаю, потому что родители наверняка скоро вернутся. Ветра почти нет, и я слышу, как в нескольких сотнях метров слева от нас бьются о берег волны, хоть и довольно тихо. От одного из бунгало разносится по воздуху смутный младенческий плач. Где-то в море мигают корабельные огни.

Мэнни лезет за камерой с телеобъективом и приподнимает её к лицу. Он что-то увидел. Я слышу, как он сглатывает, а потом он передаёт камеру мне.

– В середине озера.

Я подношу камеру к глазам и фокусируюсь на лунном отражении в воде. И там действительно, определённо *что-то* есть: чёрный силуэт, рассекающий озеро так быстро, что за ним остаётся клинообразный след.

– Утка? – шепчу я.

Мэнни цокает языком и забирает у меня камеру.

– Слишком крупное. И форма другая.

К этому времени силуэт уже почти пересёк озеро и оказался достаточно близко, чтобы разглядеть его можно было даже без камеры. Вот голова – как у кота или собаки, но с ушами побольше – а за ней из воды поднимается небольшой горб с… это что, *плавник*? Как у *акулы*? И, наконец, хвост, стоящий вертикально, как перископ.

– Офигенно! – выдыхает Мэнни и делает несколько снимков – в тесном укрытии тихие щелчки камеры звучат почти что оглушительно. – Вот он идёт…

Животное выходит из воды и направляется прямиком к горке стухшей рыбы, которую мы оставили как приманку. Оно опускает голову и принимается за еду, а Мэнни продолжает снимать. Никто из нас не осмеливается заговорить.

Теперь нам удаётся рассмотреть его получше, с расстояния примерно пятидесяти метров. Его плавник будто бы сложился в спину и почти не виден. Перед нами здоровая зверюга, размером с волка или гепарда, с мощным телом и кошачьей мордой, только длиннее. Каждые несколько секунд она останавливается и приподнимает голову, выставив вперёд треугольные уши и помахивая толстым хвостом из стороны в сторону, стряхивая капли воды.

Потом зверь садится, прямо как собака, и поднимает кусок рыбы к пасти, держа его странной, похожей на руку лапой.

– Ты видишь это?

Мэнни кивает и продолжает щёлкать.

Это всё равно что наблюдать, как обезьяна в зоопарке держит лапками еду. Животное приподнимается на задних лапах и оглядывается, и его глаза блестят в лунном свете жёлтым, а потом оно опускается на все четыре и подходит к нам поближе, следуя за рыбной дорожкой.

Кажется, я целую минуту не дышала. Это явно не чья-то собака. Оно вообще не походит ни на одно животное, которое я когда-либо видела.

Я вздрагиваю, когда Мэнни едва слышно ругается.

– О нет, о нет, о нет…

Он смотрит на экранчик камеры и лихорадочно жмёт кнопки.

– Что такое?

– Они все ужасные, Уилла! Все до единой. Смотри. – Он передаёт камеру мне, и я смотрю на экран. Мэнни прав. На некоторых фото можно едва-едва различить тёмный и далёкий силуэт животного, но не больше. – Наверное, неправильно настроил. Вспышку пришлось отключить, само собой, но… ох, я не знаю.

Бедный Мэнни. Кажется, я никогда не видела кого-то настолько расстроенного.

Я смотрю, как кобака удаляется в сторону пляжа и скрывается в тенях.

– Нужно вернуться завтра, – говорю я.

– Нельзя ждать! Джейкоб не, эм… не одолжит мне свою камеру во второй раз. Надо пойти за этим зверем.

Путь кобаки пролегает за спинами криптидоискателей с камерами. Никто из них её не видел.

Вот уже километра два мы крутим педали как сумасшедшие, мимо большого белого купола «Испанского Города» – развлекательного центра по правую руку от нас, по тротуарам и тропкам, время от времени ловя краем глаза странного зверя, несущегося в тенях низких песчаных дюн внизу по склону.

У меня нет фар не велике, и я совершенно потеряла счёт времени. Два-три раза нам кажется, что мы его упустили, но я уже так увлечена погоней, что мне и в голову не приходит сказать: «Слушай, Мэнни, давай-ка вернёмся». Рано или поздно мы всё равно его замечаем: махнувший за камнем хвост, вспыхнувший глаз – и продолжаем нестись, пока не оказываемся почти что в конце пляжа. Пляж немного выдаётся вперёд, образуя мыс Браун и бухту Браун, – здесь начинается Калверкот.

– Смотри – вон он! – говорит Мэнни, и он прав. Зверь бежит впереди нас, почти сливаясь с тёмной стеной утёса.

По прибрежной дороге едет пара машин, а на длинном пляже один-единственный человек швыряет палку собаке. Мы с Мэнни въехали на тротуар и яростно крутим педали. Мы проезжаем мимо парочки, держащейся за руки, – мужчина кричит:

– Эй, а ну притормозите, паршивцы маленькие! – но никто

по-прежнему не замечает странное животное, держащееся в тени всего в нескольких метрах от них.

Я хочу остановить кого-нибудь и сказать об этом, но это просто безумие. Что я скажу? Так что я продолжаю ехать, пока Мэнни резко не останавливается у ступенек, ведущих вниз к набережной, занимающей больше половины полукруглой бухты.

Сама по себе бухта Браун ничем не выдающаяся: тут отвесная скала и ступеньки, спускающиеся от дороги к омываемой морем набережной. Сюда выходит окнами заброшенный Калверкотский отель с грязно-белым фасадом, с которого, как перхоть, осыпаются хлопья штукатурки.

Мэнни не советуется со мной и даже не оглядывается – он слезает с велика, вскидывает его на худые плечи и стаскивает вниз по ступенькам. Я не отстаю. Широкая бетонная набережная закругляется до тех пор, пока не оканчивается новыми ступеньками, склизкими и заросшими водорослями, с гнилыми, ржавыми перилами, ведя к малюсенькому так называемому пляжу. Это скорее площадка с серо-коричневыми камнями и галькой. Дважды в день её почти полностью скрывает прилив.

В скале есть пещера – расщелина высотой метра три, напоминающая перевёрнутую V, а рядом с ней – предостерегающие знаки. Когда начинается прилив, внутрь можно заплыть на байдарке. Или просто заплыть, наверное, но вряд ли кто-то так делает: стены каменистые, прилив слишком

сильный, и там ч-ч-чертовски х-х-холодно. Если уж так хочется поплавать – Калверкотская бухта прямо за мысом.

Я стою на старой потрескавшейся набережной, и у меня появляется чувство, словно весь мир откололся и куда-то уплыл. Над нами, заглушая шум дороги, возвышается тёмная скала; под нами плещется чёрное море, белые валы бьются о волнорез, а метрах в двадцати от входа в пещеру стоит ко-бака – её грудь поднимается и опускается от долгого бега, изо рта свисает ниточка слюны. Она смотрит прямо на нас.

Она же не может ждать нас, правда? Ясное дело, мне это только кажется.

Мы прислоняем велики к скамейке и идём к концу набережной. Ни один из нас так ничего и не сказал, а кобака не двинулась с места. Это странно: над нами по главной дороге проносятся с тарахтением машины, а мы с Мэнни гоняемся за загадочным существом, как какие-то первобытные охотники.

Мы уже совсем близко к кобаке, а она так и не шевельнулась. Во рту у меня сухо, как в пустыне.

Мэнни говорит, практически неслышно:

– Оно наблюдает за нами.

Определённо наблюдает. Я так и думала.

Мэнни роется в сумке и вытаскивает здоровенную камеру Джейкоба. Держа её перед собой, он перешагивает через ржавое ограждение и начинает спускаться по скользким ступенькам. Я иду следом.

Ещё две ступеньки – и теперь кобаке некуда бежать; пляж почти скрылся, море лижет своим пенным языком камни, продвигаясь всё дальше. Сердце у меня так колотится, что его стук отдаётся в подошвах ног.

– Мэнни, не надо подходить так близко. Вдруг оно станет агресс…

– Ш-ш, – перебивает он и поднимает руку. Быстрое движение – и вот кобака уже несётся в темноту пещеры.

– Идём, Уилла! Не просто же так мы за ним гнались. Нам нужны нормальные фотки.

Он дошёл уже до середины пляжика, совершенно игнорируя морскую воду, плещущуюся возле его лодыжек.

Не то чтобы у меня был выбор, так ведь?

Ну ладно, выбор есть.

Я могла бы развернуться и уйти домой. Но сегодня что-то произошло. Что-то внутри меня растворилось в дожде, в спорах и в осознании того, что папу могут призвать на войну.

– Кстати говоря, – бросает мне Мэнни, не оглядываясь, – теперь ты мне веришь?

– Я верю тебе, Мэнни, – говорю я одновременно и ему, и себе.

А потом делаю маленький шаг вперёд – который по сути оказывается огромным скачком.

Глава 9

Мы уже внутри пещеры, когда я, не думая, хватаю запястье Мэнни, а он в ответ хватает моё. И вот оно опять, это чувство, почти неразличимое: едва заметное покалывание, которое я ощутила в старом трейлере. Тогда я списала всё на воображение, но теперь оно настоящее. Наверное.

Мы делаем ещё несколько шагов и оказываемся почти у задней стены пещеры. А потом раздаётся шум – такое пронзительное «ш-ш-ш» у устья: волна ударяется об узкий вход. Через несколько секунд наши ноги омывает водой. Когда волна отступает, я осознаю, что теперь море доходит нам до коленей.

– Идём, Уилла. Быстрее. Вон там сухой песок.

– Где она? Куда делась кобака, Мэнни? Она просто испарилась!

Я пробираюсь по воде, и тут накатывает новая волна. Песок под ногами резко идёт вверх, и вскоре я уже выхожу на сухое место. Я изо всех сил моргаю, пока глаза привыкают к темноте. Пещера расширилась, каменный свод простирается над моей головой. Кобаки нигде не видно. Внизу только песок, несколько обрывков водорослей и какой-то холмик, который я принимаю за камень. Я пинаю его – он оказывается мягким и издаёт странный запах раскалённого металла и жжённых спичек – довольно вонючий.

Кобачьи какашки? Да вряд ли.

Мэнни всё ещё держит меня за запястье и оттаскивает подальше от новой волны, смывающей какашки и увлекающей их за собой.

– Мэнни! Прилив повышается! Я боюсь, что мы…

– Ш-ш-ш! – бормочет он. – Смотри. Видишь? Там сухо. – Он указывает на полоску песка в самой дальней части пещеры, под тёмной стеной камня. – Даже если прилив высокий, как сейчас, туда вода не доходит. Всё будет нормально, – он шлёпает по скале свободной рукой.

И в этот самый момент от устья пещеры на нас надвигается серость, как…

Ничто. Как ничто. Как пустота. Пустота это *по сути* и есть. Так что давайте-ка я попробую заново.

От устья пещеры на нас надвигается пустота. Только она вроде как серая. Нет, очень даже серая. Серее всего, что я когда-либо видела. Понимаете, в каком я затруднении? У меня нет времени закричать, да я и не знаю, что закричала бы, и кроме того, из моих лёгких вышибает весь воздух.

Я по-прежнему цепляюсь за запястье Мэнни, когда серая пустота поглощает нас обоих. Я смотрю вверх, вниз – кругом одна только серость, и мой желудок подпрыгивает, как когда проезжаешь по маленькому мосту, только в десять, в сотню раз сильнее.

Раздаётся металлический скрежет и звон бьющегося стекла, и до меня откуда-то доносится голос Мэнни:

– Нет! Камера!.. – Эти слова повторяются эхом, снова и снова.

Стены пещеры исчезли, растворившись в серой дымке. А что ещё страннее, песок и гравий под моими ногами исчезли тоже. Я не вижу, на чём мы стоим, но как-то ухитряюсь пискнуть:

– Мэн…

И, когда я произношу последний слог, серость пропадает почти так же быстро, как появилась.

– …ни-и-и!

Часть вторая

Глава 10

Всё начинается медленно, а потом нарастает и нарастает. Я словно нахожусь в какой-то сушилке странностей и – по крайней мере некоторое время – не могу понять, что реально, а что нет. Потом оказывается, что реально *всё*, но я этого поначалу не знаю.

Я уже дважды отключалась. Я нахожусь в туманном состоянии полудрёмы и смутно припоминаю сон про Мэнни, и кобаку, и пещеру.

– Мина, милая моя! Просыпайся! Опоздаешь!

Мама стучит в дверь, и первая мысль, которая возникает у меня в голове, – это «Кто такая Мина?»

Так, моё полное имя – как вы уже знаете – Вильгемина. (Знаю, знаю: кого, блин, вообще зовут Вильгеминой? Мою прабабушку, вот кого, так что… супер. Повезло мне.) Неважно; обычно меня это не волнует, потому что в основном меня называют Уиллой. Но Миной? Почти никогда. С чего это мама решила сегодня использовать эту форму, я понятия не имею. Это какое-то проявление дружелюбности, что ли – ну знаете, она примеряет мне новое ласковое прозвище? Это было бы очень неплохо, если честно. В послед-

нее время мама только и делает, что огрызается. «Мина, милая моя» – приятное новшество.

Так вот, я лежу в постели, чувствуя растерянность и головокружение. Перед глазами всё плывёт, так что сфокусироваться трудно, а по всему телу такое ощущение, будто кожа не совсем мне подходит. Я сажусь, смотрю, прищурившись, на стены и думаю: «Они всегда были бледно-голубыми?» Я могла бы поклясться, что раньше они были кремовые.

По крайней мере я не чувствую во рту противной утренней сухости. На языке до сих пор смутно ощущается вкус мятной жвачки, которой поделился со мной Мэнни, чтобы перебить запах *сюрстрёмминга*…

Но это было во сне, не так ли? Поразительно, до чего правдоподобными могут быть сны. Можно проснуться и всё равно думать, что это произошло взаправду!

Вот только… я провожу языком по рту – и вот он: почти безвкусный, жёванный-пережёванный кусочек жвачки. Я достаю его и секунду оглядываю, а потом кладу на тумбочку.

Так, ладно, это странно. Откуда у меня во рту жвачка, если вся эта история с Мэнни мне приснилась?

Обычно я даже не покупаю жвачку. Не то чтобы она мне вообще не нравилась – я беру, если предлагают, – но, знаете, это просто не моё. Я уверена, что её мне дал Мэнни. И разве это случилось не прямо перед тем, как мы погнались за кобакой?

Что ещё страннее, *я полностью одета*. Штанины джинсов

в самом низу у меня мокрые; где-то посреди ночи я сняла кроссовки, потому что они стоят рядом с кроватью – тоже мокрые.

Словно в трансе, я сажусь на краю кровати и стягиваю с себя липнущую к телу одежду, пока в голове проносится ураган мыслей.

Если мы правда гнались за кобакой до пещеры, как я попала домой?

Почему я не помню?

Я что, ударилась головой или что-то в этом духе?

Я ощупываю свою черепушку, но ни шишек, ни ранок не нахожу.

Стены точно были кремовые. Я в этом уверена.

Я пытаюсь привести свои запутавшиеся мысли в хоть какой-то порядок и чищу зубы над раковиной в спальне. Мама времени даром не теряла: сменила мою пластиковую щётку на крутую, с деревянной ручкой, а паста теперь не в тюбике, а в банке. Вот только банка уже не новая. Кто-то – скорее всего, Алекс – ей уже попользовался, что, наверное, немного фу, если она совала внутрь свою щётку, но…

Чистя зубы, я ищу телефон, который оставила вчера в комнате, чтобы мама меня не отследила.

Оставила ведь?

Я нигде не могу его найти. Неужели Алекс забрала его вчера вечером? Зачем ей это? Я встряхиваю покрывало (новое – когда оно у меня появилось?) и лезу под кровать – там стоит

незнакомая пара ботинок, но телефона нет.

Я точно оставляла его рядом с кроватью. Ну то есть он всегда там, на зарядной панели – которой тоже нет на месте. Теперь, когда я уже пять минут как встала, в голове у меня немного проясняется, но я не уверена, что это хорошо: это только рождает новые вопросы.

– Мам! – кричу я коридор. – Ты не видела мой телефон? – Она меня не слышит.

Я сижу в трусах на краю кровати и хватаю со стула школьную одежду. Её мама тоже заменила. *Всё* новое. Ну – не *новое* новое. Просто для меня оно новое. Может, это старые шмотки Алекс, хотя я ничего не узнаю. Тут красная футболка, синие джинсы, пара жёлтых носков (*жёлтые* носки? Бее.) и яркое лаймово-зелёное худи. Алекс бы ни за что такое не надела.

Я слышу, как мама кричит:

– Пока!

А потом:

– Люблю тебя, Тед! – папе.

«Люблю тебя, Тед»? *Такого* я давненько не слышала. Хлопает входная дверь. Куда это мама собралась в такую рань?

Я натягиваю зелёное худи. Наверное, мама покупает вещи в благотворительном магазине. Может, наши финансовые проблемы серьёзнее, чем мне рассказывали?

Точно кремовые. Папа выкрасил стены в кремовый два лета назад какой-то краской, которая у него осталась после

ремонта офиса.

На кухне папа сидит ко мне спиной – ест тосты и жарит яичницу.

– Пап? Я, эм… куда-то сунула свой телефон. И стены у меня в спальне неправильного цвета.

– Что-что, милая? Тебе одно яйцо или два? Может, возьмёшь с собой? Ты опять опоздаешь, Мина. Какой телефон? Телефон в коридоре, ты же знаешь – там же, где обычно.

Он поворачивается, и я ахаю.

– Ого! Когда это ты успел?

– Что успел?

– Твоя… твоя борода. Когда ты её сбрил?

Он потирает подбородок и улыбается.

– Моя *борода*? У меня со времён студенчества не было бороды. О чём это ты?

– *Борода*, пап. Та, которую ты всё грозишься сбрить, потому что мама её терпеть не можешь, но так никогда и не сбриваешь. Вот эта борода!

Его улыбка становится озадаченной – будто он пытается понять шутку.

– Ну, значит, я её сбрил, э?

Ладно, понятно. Про бороду он шутит. И про студенчество. Папа никогда не учился в университете. Но телефон…

– Я не могу найти телефон, пап. Ну знаешь, мой сотовый, мобильный, «дьявольское устройство», как ты его называешь, «карманную звонилку»… Я, э… потеряла его. – Я за-

пинаюсь, потому что папа смотрит на меня так, будто я чокнулась. А потом снова улыбается.

– Думаю, ты действительно потеряла его, милая. Не знаю, что с тобой такое. Но что бы ты ни потеряла – мы непременно это найдём. А если тебе не нравится цвет твоих стен, об этом мы тоже поговорим. Неважно, бери-ка вот это и бегом-бегом-бегом! Сегодня в школе важный день, а? Вся эта подготовка к празднику ВВВ. – Он вручает мне бумажный пакет, внутри которого сэндвич с жареным яйцом. – Все сегодня опаздывают. Мама только что убежала, а Алекс до сих пор валяется. Подростки, э? Да и ты недалеко ушла. Теперь шагай!

Мама только что убежала? Куда? Парком они управляют из переделанного под офис гаража. Но папа подгоняет меня к двери.

– Пап – стой! Я сегодня проснулась в мокрой одежде и… – Я на секунду отвлекаюсь: на вешалке в прихожей висит куртка, которую я не узнаю. Голова болит. – Пап? Мне приснился ужасно странный сон…

– Ну хватит, Мина, ты опоздаешь! – Через миг папа суёт мне в руки школьную сумку и целует в макушку. Дверь за мной захлопывается, и я стою на крыльце, держа тёплый пакетик с едой.

Какого.

Фига.

Происходит?

Со мной явно что-то случилось, пока я спала.

Мысль о том, чтобы не опоздать в школу, пожалуй, волнует меня меньше всего. Я иду по дорожке вдоль живой изгороди так медленно, как только могу, и с каждым шагом моя затуманенная голова проясняется всё сильнее. На улице тихо, будто утро и правда совсем раннее. Обычно в это время я слышу шум машин в конце дорожки. А если подумать, и *запах* их обычно чувствую. Но сегодня я слышу только птиц, а пахнет только живой изгородью, морем вдалеке, испаряющимися под утренним солнцем лужами и… чем-то ещё, чем-то немного рыбным и тухлым…

Тот сон. Кобака, пещера…

Вот только это был НЕ сон.

Сны так хорошо не запоминаются, правда? Ты не помнишь точных деталей того, что привело в странную ситуацию, в которой ты оказался. Ты помнишь всё только до определённого момента, потому что… ну, потому что именно в этот момент сон и начался, наверное.

Я же могу прекрасно восстановить все события.

Пещера? Кобака; мы с Мэнни тащим велики к набережной; гонка в сумерках; Мэнни и его *сюрстрёмминг*…

Вместе с мыслью о *сюрстрёмминге* появляется воспоминание о его запахе. Он был у меня на ладонях. Душ я с утра не принимала. Я подношу ладонь к носу, вдыхаю и…

Запах на месте! Совсем слабый (к счастью), но пахнет явно ферментированной селёдкой.

Значит, это всё мне точно не приснилось, так ведь?

Я снова принюхиваюсь, просто чтобы убедится, и морщусь от вони. Я напрягаю мозги, пытаясь вспомнить, как оказалась дома после пещеры, но в голове пусто.

Я дошла уже до конца дорожки. То, что я вижу дальше, просто…

Что ж. Если я скажу «взрывает мозг», то, пожалуй, не очень-то и преувеличу.

Глава 11

Я выхожу между высоких живых изгородей на широкий тротуар сбоку дороги, ведущей от Уитли-Бэй к Ситон-Слуису.

Обычно по утрам на этой дороге довольно оживлённое движение. Чуть выше стоят несколько светофоров, и там скапливается куча машин – они сигналят, двигатели ревут, мотоциклы рычат, велосипедисты снуют туда-сюда, и всё это, как серой овсянкой, облеплено облаками выхлопных газов.

Я стою на тротуаре, и то, что я вижу, настолько перегружает мои чувства, что мои пальцы разжимаются, и пакет с сэндвичем плюхается на землю.

Тут, конечно, есть автомобили, но их гораздо меньше и они совсем не похожи на те, что я когда-либо видела. Некоторые смутно смахивают на машины, но большинство выглядит просто как здоровенные приземистые сигары с дырками наверху, в которых сидят люди. В основном дырок по две, но я замечаю автомобиль и с тремя – пассажиры сидят в ряд и улыбаются. Тут и там виднеются тихонько позвякивающие трёхколёсные велосипеды с рулями и широкими сиденьями, как рикши. А другие, формой напоминающие узкие гидроциклы, везут одного-двух пассажиров. Колёса у всех скрыты под днищем, так что создаётся впечатление, будто они лета-

ют.

А цвета! Все машины ярко выкрашены, на многих разные узоры и полированный хром, и все относительно тихие. Их двигатели издают свист, но достаточно приглушённый, чтобы люди могли беседовать и здороваться друг с другом, проезжая мимо. Никаких выхлопов, никакого запаха, никакого шума.

Я быстро смотрю по сторонам. Тут что, фильм снимают? Я на съёмочную площадку забрела? Это правда кажется единственным объяснением. У нас постоянно снимают тот сериал про старого детектива и его собаку – я их кучу раз видела, – но у киношников всегда здоровенные грузовики, осветительные приборы и всё прочее, а сейчас ничего подобного не видно.

Заворожённая представшим передо мной зрелищем, я едва ли замечаю, как кто-то подходит ко мне и говорит:

– Извини! Ты кое-что уронила!

– Ох. Спасибо. – Я наклоняюсь за сэндвичем, а окликнувшая меня леди улыбается, проходя мимо. Она одета очень ярко, но в остальном кажется обычной. Я стою на коленях, подбирая свой завтрак, когда вижу самое поразительное.

У этих гидроциклов нет колёс! Я наклоняю голову ещё ниже и заглядываю под них.

Да – я точно вижу только противоположную сторону дороги.

Да и у многих других машин колёс нет! У сигароподобных

в том числе. Они совершенно точно *летают*. И не неуклюже как-нибудь, а твёрдо и размеренно, будто *плывут по воздуху*! Скользят себе вперёд, ничем не поддерживаемые. Я стою на четвереньках и просто таращусь.

Леди остановилась и вернулась. Первыми я замечаю её розовые туфли, а потом смотрю вверх, обращая внимание на ярко-оранжевую юбку и пиджак в тон, и наконец вижу её лицо – немолодое и улыбчивое, но озадаченное.

– Ты в порядке, дружок? – спрашивает она. Голос у неё добрый, но слегка надломленный, как у совсем стареньких людей, хотя стоит она вообще не как старушка. – Ты поранилась?

– Что-то… что-то происходит? – говорю я. – Тут фильм снимают или что? – Она смотрит на меня с недоумением, так что я добавляю: – Эти… типа машины. – Заикаясь, я встаю на ноги. – Они… л-летают!

Леди смеётся, но без ехидства.

– Ох, моя ты лапочка! А я-то думала, только мы, старики, до сих пор удивляемся этому! «Машины», надо же! Давненько я не слыхала этого слова. О-ох, как в старые времена. Мне ведь сто четыре года, знаешь! Ну ладненько, если ты в порядке, дружок, надеюсь, ты никогда не растеряешь любопытства, потому что именно любопытство нас сюда и привело, не так ли!

Снова одарив меня сияющей улыбкой, она цокает языком и удаляется, что-то радостно жужжа себе под нос.

Сто четыре года? Да ладно.

Теперь мне страшно. Не просто, знаете, страшновато, а так страшно, что трясутся ноги, колотится сердце, пересыхает горло, гудит голова, переворачивается желудок и – простите – хочется в туалет. Я серьёзно чувствую, как глубоко внутри меня что-то ворочается, и мне кажется, что я не выдержу и всё только станет в тысячу раз хуже. Я пячусь от дороги к какой-то покрытой травой скамейке (опять же, никогда её раньше не видела), сажусь, опускаю голову в ладони и делаю несколько глубоких вдохов.

Вдох на счёт четыре, выдох на счёт шесть, вдох на счёт четыре, выдох на счёт шесть.

Этому научила меня Моди. Я делаю так примерно минуту, держа глаза закрытыми. Я надеюсь, что, когда открою их, всё снова станет как обычно.

Само собой, не становится. Но я уже не паникую. Я поднимаю взгляд и снова смотрю на дорогу. Движение ненадолго затихает, и на противоположной стороне дороги я замечаю поле. Я говорю «поле» – но обычно там ничего нет: это просто клочок травы, ведущий к пляжу. Я точно никогда не видела там коров, но сейчас их штук двадцать, и несколько телят – они все мирно щиплют сочную зелёную травку. На поле стоит большой сарай – просто огромный, – открытый с двух сторон, крыша которого тоже покрыта травой и дикими цветочками.

Я ведь сплю, так?

Это правда единственное объяснение. Я даже слышала о такой штуке как «осознанные сновидения» – это когда ты спишь и знаешь об этом. Это немного успокаивает меня.

Я думала, мне приснилось всё то, что было до пробуждения. А на самом деле мне всё снится прямо сейчас! Чокнуться можно, а?

Я ещё немного смотрю по сторонам, пытаясь представить, что может произойти. Когда движение замирает на светофоре, я перехожу дорогу и, минуя ярко-синюю сигароподобную штуковину, хлопаю по ней, чтобы проверить, настоящая ли она.

Настоящая. Водитель смотрит на меня именно тем странным взглядом, которого можно было бы ожидать, хлопнув по чьей-нибудь машине мимоходом.

Если это сон, то коровы, конечно, окажутся говорящими?

– Привет, коровы! – кричу я, стараясь, чтобы голос звучал жизнерадостно, а не так, будто я перепугана до жути. – Хорошо выглядите сегодня, дамочки! Обожаю ваше молоко!

Одна из них поднимает голову, задирает хвост и роняет на траву лепёшку, не потрудившись ответить.

– Я говорю – привет! Какой чудесный день! Эм… и масло тоже! Оно мне нравится. О, и сыр! Ням-ням! Давайте, поговорите со мной! Мяса я не ем, так что вы в полной безопасности!

Ещё две коровы мельком смотрят на меня, а потом про-

должают жевать траву.

Позади меня раздаётся голос:

– «Сыр, ням-ням»? Ты ещё безумнее, чем я думал, Уилла Шафто!

Я разворачиваюсь. Кажется, никогда в жизни я не испытывала такого облегчения при виде другого человека.

Глава 12

– Мэнни! Обалдеть, как же здорово тебя видеть! Я… – Я так рада, что кидаюсь ему на шею и не отпускаю целую вечность, даже не замечая, рядом с чем он стоит. Спустя некоторое время я чувствую, что он напрягается и начинает извиваться, пытаясь вырваться из моих яростных объятий.

– Эй, Уилла! Когда перестанешь изображать из себя удава и разговаривать с крупным рогатым скотом, тебе понадобится вот это, – говорит Мэнни, сияя. Он указывает на яркий сине-фиолетовый одноместный и трёхколёсный велосипед с навесом над сиденьем, стоящий с ним рядом.

Я стою, разинув рот, пока Мэнни не говорит:

– Берёшь или нет?

Я не двигаюсь. Просто таращусь.

– Мэнни, где мы? Пожалуйста, скажи, что ты помнишь прошлый вечер. Кобаку? Пещеру? Это всё было?

Он смеётся.

– Да. И я могу объяснить! По крайне мере частично. Идём – мы уже и так опаздываем. Никак не мог встать с утра. Было такое чувство, что меня слон раздавил!

– У меня тоже, – с облегчением говорю я. – Что происходит, Мэнни? Что с нами такое?

– Я расскажу тебе, что думаю, но сначала раздобудь себе колёса. – Он тычет мне за спину – там у своего рода стойки

выстроились в ряд такие же, как у него, трёхколёсники. Табличка над ними гласит:

ФриРайды
Спонсируются Фондом Фрай
ПРОКАТИСЬ НА МНЕ!

– Это правда обязательно? – спрашиваю я. Я так до сих пор и не поняла, сон это или нет, но Мэнни ведёт себя настолько уверенно, что я решаю просто слушаться его, по крайней мере пока.

– Тебе нужен код, – говорит он. – Вот, можешь одолжить мой. – Мэнни достаёт из кармана ручку и берёт меня за руку, закатывает мой рукав и пишет прямо на коже ряд цифр. – Классный цвет худи, – добавляет он. – Не то что твой обычный стиль. Теперь набери эти цифры на панели. Это что-то вроде компьютерного пароля. У тебя тоже такой есть.

– Нет, нету! О чём ты говоришь вообще? Прекрати вести себя так, будто всё нормально. Мэнни, я… я… пожалуйста, скажи мне, что это сон, Мэнни. Верни меня домой, или разбуди, или что там надо сделать. Я хочу вернуться к себе в постель, а потом снова проснуться, и чтобы всё было как раньше. Ты видел эти летающие штуки? Я только что встретила женщину, которой сто четыре года. Мне даже не нравится лаймово-зелёный. И там на крыше трава… – Я несу какую-то чушь, но никак не могу остановиться.

Мэнни отбрасывает с глаз волосы и смотрит на меня успокаивающе.

– Но это не сон, ведь так, Уилла? Ты тоже это знаешь, сердцем и головой.

Я думаю об этом и понимаю: он прав. Я знаю, что это не сон.

– Эй, посмотри вон на тот автобус: хотя бы у него есть колёса! – продолжает Мэнни. – Произошло что-то офигенное, Уилла. Давай, вводи код.

Словно в тумане, я нажимаю кнопки на ящике, напоминающем парковочный автомат, раздаётся щелчок, и защёлка одного из трёхколёсников открывается. Я выкатываю его и неловко усаживаюсь.

– Осторожно с педалями. Это что-то вроде электровелосипедов, только в миллион раз мощнее. Жми совсем слабенько.

Я кучу раз ездила на электровелосипедах: у нас в парке их шесть, за ними следит Моди. Но это что-то совершенно другое. Стоит мне надавить на педаль, как трайк резко дёргается с места, и мне приходится тут же притормозить.

– Понимаешь, о чём я? – говорит Мэнни, уносясь вперёд и вливаясь в транспортный поток. – Просто невероятно.

– О, правда? – с сарказмом кидаю я ему в спину. – Без шуток. Определённо невероятно. Летающие сигары. Всё раскрашено, как фигова радуга. У моего отца нет бороды. А татуировки-то – я только что поняла! Татуировки все пропали. Мэнни, притормози. Я ничего не понимаю и мне страшно.

– …и я тоже не всё понимаю. Только то, что я проснулся

сегодня с ужасной головной болью, а мир вокруг стал другой.

– Да, я тоже. Но я не… это всё, я не… Мэнни, тебя это вообще не волнует? Тебе нормально? Мы попали в мир *фиговых летающих машин*, Мэнни!

– Знаю! Но просто я уже сбился со счёта, сколько раз просыпался в незнакомой кровати, в новой спальне, в новой временной семье. А это… Ну, просто чуть более впечатляющая версия. Разве не офигенно?

Он что, серьёзно?

– *Нет!* Вообще нет! Даже ни капли не «офигенно». Почему ты такой спокойный? Это же жуть! Я в ужасе.

Я равняюсь с ним и пристально на него смотрю – *очень* пристально, вглядываюсь в его яркие глаза, которые прямо-таки *сияют*.

– Это всё кобака, Уилла. Она привела нас сюда, я уверен!

Кобака! Не то чтобы я напрочь *забыла* про ко-баку, но…

– Так что произошло? Мы пошли за этой зверюгой в пещеру. Это правда было, так? Спасибо, что затащил туда, кстати. А потом… что?

– Я не совсем уверен.

– Ты же сказал, что объяснишь.

Мэнни не отвечает. Мы на побережье, и я пытаюсь всё внимательно разглядеть, но смотреть особо не на что. Не считая странных автомобилей, бесшумно проносящихся мимо нас с счастливого вида пассажирами, кругом царит буйство красок. Я словно оказалась в детской книжке с картин-

ками. По тротуару нам навстречу бежит группа бегунов – сплошное мельтешение разных оттенков красного, жёлтого, фиолетового, розового. По сути, единственное, что не режет взгляд, – это их светлые волосы, хотя у одной пожилой леди они выкрашены в синий.

На Поле, длинной полосе травы между дорогой и пляжем, люди возводят какие-то столбы; там стоит сцена с подсветкой и ряд громадных багровых шатров, будто на носу большой праздник. Я сворачиваю наперерез Мэнни и останавливаюсь, вынуждая его резко притормозить.

– Мэнни. Скажи мне, что происходит.

Он пожимает плечами и снова начинает крутить педали.

– Наверное, со временем узнаем. Я не думаю, что мы можем что-то изменить, а ты? Так зачем волноваться? Скорее всего, всё как-нибудь образуется. А пока что мы можем… наслаждаться этим, наверное. Или у тебя есть идеи получше?

Мне трудно поверить, что его всё устраивает. Мы свернули от побережья направо и оказались у школы, и Мэнни продолжает, пока мы спешиваемся:

– …но скоро мы выясним побольше.

Я пристально смотрю на своего друга, и меня снова охватывает чувство, что Мэнни чем-то отличается от других. Он улыбается, и мне кажется, что он отчего-то стал выше и уже не сутулится. Раньше я никогда не видела, чтобы Мэнни стоял полностью прямо. Он всегда немного горбится, будто пытаясь защититься.

Он указывает на свой трайк.

– Вот *это* фрирайд. Бонни в доме имени Уинстона Черчилля мне всё объяснила. Расстроилась немного. Подумала, что я просто корчу из себя тупого.

– Значит… ты тоже проснулся в своей обычной кровати?

– Ага. В голове было совсем паршиво. Всё кажется каким-то неправильным.

– Да! Ох, ну слава богу. Я думала, только у меня так. Но почему, Мэнни, почему? И что всё это значит?

Я смотрю на фасад школы, на котором обычно висят большие буквы, складывающиеся в «СРЕДНЯЯ ШКОЛА УИТЛИ». Теперь же там написано «АКАДЕМИЯ ФРАЙ».

Потом, сквозь гомон других детей, до нас доносится знакомый голос.

– Доброе утро, Вильгемина, доброе утро, Эмануэль. Вижу, вы пришли как раз вовремя.

– Миссис Поттс! – восклицаю я и чувствую такое облегчение, что бегу к ней, раскинув руки. Когда я стискиваю её в объятьях, она коченеет, как манекен в магазине. Я отпускаю её, и мне вдруг становится ужасно неловко. В её взгляде читается позабавленное неодобрение.

– Прошу прощения, Вильгемина? Думаю, ты хотела сказать «Клэр», не так ли?

Я на миг задумываюсь, и Мэнни, судя по выражению его лица, тоже. Миссис К. Поттс. Не знала, что её зовут Клэр.

– Эм… да! Клэр?

Миссис Поттс улыбается: всё нормально.

– Спасибо, Вильгемина. Как твоя учительница по миротворчеству, я не совсем готова, чтобы ко мне обращались официальным именем. А теперь входите поскорее.

Честно говоря, больше всего мне хочется пойти домой. Но пока я думаю об этом, меня вроде как вносит в школу волной людей в разноцветной одежде.

Глава 13

Я решаю, что буду держаться как можно ближе к Мэнни. Как бы странно я себя ни чувствовала, с ним становится полегче.

– Миротворчество? Это ещё что? – спрашиваю я его по дороге в класс. Я узнаю некоторых ребят (но не всех) и здороваюсь, но чувствую себя так, будто плыву под водой: всё кажется замедленным и приглушённым.

Вокруг двигаются люди – плавно и быстро, но не шумно. По крайней мере, все улыбаются. Кое-кто говорит мне «Привет, Мина!», и я пытаюсь ответить с улыбкой – когда вспоминаю, что это вообще-то ко мне обращаются. Я не только не привыкла к этому имени, но и не припомню, чтобы мне часто говорили в школе «Привет, Уилла!» Видимо, вот она какая – популярность.

Прямо за дверью нашего класса висит полочка, на которую все должны сложить телефоны, и я начинаю искать свой, пока не вспоминаю, что у меня его нет. А потом замечаю, что и полочки тоже нет, зато есть что-то гораздо странное.

Я пихаю Мэнни и говорю:

– Ты заметил? Ни у кого с собой нет телефонов.

– Мне кажется, тут вообще их нет, – отвечает он. – Ты видела, чтобы кто-нибудь пользовался телефоном?

Как только мы садимся за парту, я внимательнее разгля-

дываю все новые лица и штуки, висящие на стенах. Я говорю Мэнни:

– Смотри, кажется, наш постер сняли.

Раньше он висел прямо рядом с доской. Мы с Мэнни сделали этот (довольно крутой, как по мне) постер на уроке личного, социального и медицинского просвещения, и он настолько понравился миссис Поттс – простите, *Клэр,* – что она повесила его на стену. На нём написано:

А мы говорим: дайте миру шанс!

Это строчка из старой-престарой песни Джона Леннона, написанная крупными буквами. И мы распечатали на школьном принтере кучу фоток разных миролюбивых людей. Там был сам Леннон, Мартин Лютер Кинг-младший, Иисус, Нельсон Мандела, мать Тереза Калькуттская, М. К. Ганди и много кто ещё. Из серебряной фольги мы вырезали слёзы, которые падали из глаз этих людей на изображение земли, объятой пламенем.

Дина Малик тогда стала насмехаться и сделала вид, что не поняла, а потом вообще подняла руку и заявила, что это «оксюморон», но ей, скорее всего, было просто завидно. Миссис Поттс сказала, что ей самой постер понравился, и мне этого было достаточно.

В общем, теперь на его месте висит другая картинка, и я подаюсь вперёд, чтобы рассмотреть повнимательнее. На ней изображена земля, круглая и синяя – по крайней мере это сходится. На земле стоят целые толпы людей с самы-

ми разными оттенками кожи, причёсками и одеждой, и все они улыбаются, смеются и машут, а над ними разноцветными буквами написано:

У НАС ПОЛУЧИЛОСЬ!

Что это у них – у нас – получилось, интересно?

А внизу подпись чуть мельче:

50-летняя годовщина
ВВВ

Что всё это значит?

А потом я вспоминаю, что папа тоже говорил что-то про ВВВ, когда выставлял меня за дверь с утра. Что бы это могло быть? Кроме Всемирной паутины в голову ничего не приходит.

«Мне нужны ответы», – думаю я, когда в класс входит миссис Поттс. Но на каждый ответ у меня возникает миллиард новых вопросов. К тому же не так-то легко задавать вопросы, когда каждый раз, открывая рот, говоришь какую-то чушь.

Я просто не могу сдержаться и помолчать. Например, на перемене всем – не только младшеклассникам – дают на выбор фрукт или бумажный пакетик с орехами, и я говорю:

– Яблоко? Офигенно! – и все, кто меня слышал, начинают смеяться, но как-то не по-злому.

– Это же просто обычное, нафлинт, яблоко, – улыбаясь, говорит Олли Б. – Что в нём такого?

Я пропускаю мимо ушей «нафлинт» – может, это личное словечко Олли, откуда мне знать – и спрашиваю:

– С каких это пор нам дают на перемене перекус?

Только начав говорить, я немедленно осознаю, что это *ещё одно* отличие, так что тут же пытаюсь выкрутиться.

– Ну то есть, типа, давно и каждый день, да, каждый день нам дают вкусный перекус, и я думаю, это просто офигенно, учитывая, сколько людей в мире голодает. Ну разве нам не повезло? Ха-ха! Яблоки.

О нет. Меня внутренне корёжит, не успеваю я даже договорить. Я говорю как чокнутая. А что хуже всего, все вокруг как-то попритихли, прислушиваясь к моей нелепой болтовне. Следует продолжительная пауза, прерываемая только моим похрустыванием. Потом Олли спрашивает:

– Кто голодает, Мина? Нигде в мире нет голода уже, типа, много десятилетий. И что стало с твоими зубами?

С моими зубами? Как грубо! Ну да, зубы у меня немного кривоватые. Ну ладно, очень сильно кривоватые. Но вообще-то в следующем месяце я иду на приём к ортодонту.

А дальше Олли интересуется, вполне искренне, как мне кажется:

– С тобой всё в порядке, Мина?

– Я в норме! – говорю я так бодро, как только могу. Я улыбаюсь, но быстро перестаю, потому что теперь все смотрят на мои зубы. – Классное яблоко! – Я максимально непринуждённо удаляюсь и краем глаза замечаю, что Олли крутит

пальцем у виска.

У меня ещё никогда не было такого ужасного дня. Пару минут спустя я случайно слышу, как кто-то (какая-то новая одноклассница, которую я знать не знаю) спрашивает:

– Что случилось с бедной Миной? – будто она от души за меня переживает.

– Вот бы знать! Она меня спросила, что такое ВВВ!

Все смеются.

– Это офлинтеть как странно! Эй, Мина! – зовёт меня эта девочка. – Как ты там сказала, что значит ВВВ? Какая там паутина?

Я ничего не отвечаю и только сердито смотрю на неё.

Она говорит:

– Она как будто в другой мир попала.

Ну, можно и так сказать.

Дальше хуже. Это мелочи, но они накапливаются.

Например, доска в классе не белая, а чёрная, и миссис Поттс пишет на ней кусочками мела. У неё на столе нет компьютера, чтобы показывать нам всякие картинки, фильмы и так далее. И я снова забыла называть её по имени, так что теперь она думает, что я специально грублю. («Мина, – твёрдо сказала она, – мы уже не в двадцатом веке, знаешь ли!», отчего все, кроме Мэнни, рассмеялись, а я покраснела.)

В очереди за ланчем я оказываюсь рядом с Данте – обычно он не очень-то со мной вежлив. Он говорит:

– Куриные пироги почти все расхватали, Мина. Хочешь взять последний?

А я отвечаю:

– Нет, спасибо, Данте. Я не ем мяса. – Он смотрит на меня так, будто я сказала «Нет, спасибо, Данте. Я людоедка».

– С каких это пор? Почему?

– Ну, знаешь…

О нет, я снова ляпнула какую-то тупость, но мне опять придётся как-то выкручиваться.

– …потому что я против убийства животных. – Кажется, раньше мне никогда не приходилось этого объяснять. Куча ребят в нашей школе не едят мяса. Однако Данте просто отходит, недоумённо качая головой.

Я сажусь рядом с Мэнни – он слышал этот разговор и ухмыляется.

– Что смешного? – рявкаю я. – Я только что в миллионный раз выставила себя дурой. – Я кошусь на Данте – он уже подсел к каким-то ребятам, и я просто *знаю*, что разговаривают они обо мне. Опять.

– Всё мясо выращивается лабораторно, Уилла. Я спрашивал методиста. Он подумал, что я тупой, но мне без разницы. Оно никогда не было живым, так что и убивать никого не пришлось! Вот, попробуй – это вкусно! – Он суёт мне вилку с наколотым кусочком курицы в соусе. Меня это всё равно не соблазняет, и я откусываю свой бобовый бургер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.